

ИГОРЬ ПЛЕТИНСКИЙ

Бестселлер

ВЧЕРАШНИЕ
НЕБЕСА

Фантастика

Бестселлер (Союз писателей)

Игорь Плетинский
Вчерашние небеса

«Издательство «Союз писателей»

2019

УДК 82-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Плетинский И.

Вчерашние небеса / И. Плетинский — «Издательство «Союз писателей», 2019 — (Бестселлер (Союз писателей))

ISBN 978-5-00143-025-4

На страницах этого сборника вас ждут рассказы в нескольких жанрах. Фантастика, фэнтези и мистика гармонично дополняют друг друга, объединяя в одно неделимое целое этот мир и потусторонний, Землю и другие планеты, реальность и художественный вымысел, сны и явь, прошлое и будущее, новую литературу и классику. Читателю доведется проникнуть в мысли средневекового монаха, чтобы его глазами узреть наш сумбурный век. Он окажется в настоящем чистилище, попав туда через таинственную дверь в клубах неведомого дыма. Он сразится с невероятными чудовищами, наделенными небывалой для человека силой. И отправится изучать неведомые уголки вселенной, чтобы доподлинно выяснить, есть ли там жизнь. И. Плетинский наделил каждое свое произведение яркими красками и тонкой философией. Экшн на страницах сочетается с глубиной мысли, привычные образы обретают неожиданные формы. В результате получается увлекательная фантазмагория, от которой невозможно оторваться.

УДК 82-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00143-025-4

© Плетинский И., 2019
© «Издательство «Союз писателей», 2019

Содержание

Сны Рене	6
Фауст-XXI	10
Номо homіnі	12
Сбой системы	19
Бытие	24
Диспут	28
Белый ворон	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Игорь Плетинский

Вчерашние небеса

© Плетинский И., 2019

© Оформление. ИП Суховейко Д. А., 2019

Сны Рене

Эта старинная рукопись совсем недавно и совершенно случайно была найдена неким копающим в прошлом историком в библиотеке при мэрии одного из провинциальных городов Франции. Причем как она туда попала, кто ее оставил там – неизвестно, сотрудники мэрии не могли дать вразумительный ответ на этот вопрос. Ученый же ничтоже сумняшеся не стал раздувать из своей находки сенсацию, а попросту после невероятных усилий, потребовавшихся для перевода со старо-французского, выложил ее в Сети на сайте, где такие же историки-фанатики делятся друг с другом своими находками. Итак, текст перед вами, он довольно неуклюж, но в целом вполне приличен. А вот события, описываемые в нем, совершенно удивительны.

«Благослови, Господь! Я, смиренный монах ордена францисканцев, имя мое – Жерар, провожу дни и ночи в трудах и молениях в монастыре Сен-Аппрей, что недалеко от славного города Амьен... Пищу эти строки, ибо выполняю последнюю волю друга моего, почившего в бозе 12 декабря 1547 года, подле ложа которого я единственный находился до самой его кончины.

История сия началась за год примерно до смерти сего скромного монаха, носившего имя брат Рене, а в миру как звали его – Господь знает...

Обитель наша, управляемая твердою и мудрою рукою настоятеля, отца Гийома, всегда была пристанищем истинных сынов Божьих, неустанно и радостно поддерживающих и крепящих основы Святой Католической церкви, ибо, как мудро сказал кто-то: “*Militat spiritum, militat gladio*” – церковь святая воюет не токмо духом, но и мечом. Сие не говорит о том, что мирные монахи с оружием в руках сражались против врага. В монастыре нашем собраны были именно воины духа – те, кто, зная грамоте, умели перевести и размножить слово Божье, дабы оно птицею летело во все концы нашей милой Франции. Но что-то я отвлекся.

Брат Рене появился у нас весною, когда первые ростки под солнцем Господним уже тянутся к небу. Был он невысок ростом, худощав, но крепок, и глаза его цвета нормандского неба были добрыми и, казалось, всегда открытыми миру и благочестию. После пострига определен был сначала в помощь брату Эммериху на кухню. Тихо и тщательно исполнял он нехитрые свои обязанности, пока помощник настоятеля, суровый и желчный брат Жак, зашедший случайно туда, не нашел некий листок бумаги, испещренный письменами. Строго вопросив, кто вместо трудов праведных занимается сей чепухой, он услышал в ответ робкое “Я...” брата Рене.

– Так ты разумеешь грамоте? – вопрошал брат Жак.

– Да, – отвечивал Рене, – и латынь знаю немного...

Ничего не ответив, брат Жак удалился, однако вскорости брата Рене перевели в библиотеку, под начало брата Клода, коего обширные знания способствовали тому, что шестеро смиренных монахов, усердно трудясь, переписывали и изучали труды столпов церкви, коих в монастыре (не столпов, конечно!) было предостаточно. Там я впервые и встретился с ним. Его живой ум, связная речь, молодость и искренность подкупили меня, к тому же он был отличным рассказчиком, сочиня всякие выдумки, а я, в силу натуры скромной моей, – благодарным и единственным его слушателем. Мне нравилось слушать истории, которые он рассказывал, а было их у него... Клянусь святым Яннуарием, я не знал ни одного такого выдумщика! Мало того, он, вольнодумец, их записывал, а так как с бумагою и пергаментом было трудно, то писал он на чем угодно, даже на лоскутах старой рубахи, используя мелкие угольки, украденные из кухни. Но самое замечательное было то, что он клялся мне, хитрец эдакий, что видит во сне

чудеса! Но вот что зрит он во время снов своих, отказывался мне рассказывать. “Не пришло время!” – улыбаясь, говорил он тихо.

Однажды после вечерней мессы, когда понадобилось срочно переписать некий трактат для его светлости епископа Амьенского, мы остались с Рене в библиотеке вдвоем. Усердно орудуя перьями, трудились мы, пока он не нарушил молчание, прерываемое лишь скрипом перьев.

– Брат Жерар! – окликнул меня Рене. – Я думаю, пришло время и тебе узнать...

– Что?

– То, что снится мне, вернее, то, что вижу я во снах своих...

– Помилуй, Господь! Неужто видишь ты такое, что и сказать страшно? А вдруг это козни дьявола? Во сне, когда разум отдыхает, самое время для совращения!

– Успокойся, это не Сатана и не демоны-искусители. Не вино и женщины, нет там греха...

– Так что же видишь ты, любезный друг мой?

Брат Рене задумался.

– Знаешь ли... сии видения настолько непонятны, что и не знаю, как рассказать. Одно мне ясно: я не в силах более таить это в себе, ибо не могу понять суть сего... Пусть ученые мужи, изучившие множество книг, толкований и писаний, попробуют...

– Так что же это? – От нетерпения и страха я весь покрылся испариной.

– Я вижу... Не знаю, может, это то, что ждет нас...

– Ты видишь будущее?

– Может быть.

– И что, что же там?!!

Брат Рене, склонив голову, закрыл лицо ладонью. Когда он снова взглянул на меня, в мерцанье свечей его лицо выглядело усталым и постаревшим.

– Я вижу, – начал он вполголоса, – вижу многое. Я видел огромный город, перед коим Париж – ничто. Он простирается на многие лье! Башни его, залитые светом, подпирают свод небес. Улицы его в сто раз шире Амьенского тракта, а по ним нескончаемым потоком движутся некие повозки. Без лошадей! Людей столько, что я и в самых смелых мыслях не видел. Муравьев в муравейнике поменее. А свет! Сколько света там, и он так ярок, что напоминает солнце!

– А еще?

– Я видел еще один город, на побережье бескрайнего моря... На горе, что на самом берегу, стоит статуя Господа нашего, благословляющего город. А в высоту она не менее трехсот локтей! Такое может ли быть?! А еще видел я бескрайние ледяные пустыни. Там только снег и лед и ничего более. А еще – страшную войну, где люди воевали на дьявольских колесницах, изрыгающих огонь, и вместо мечей, шпаг и аркебуз были у них некие орудия, выпускающие множество пуль в одно мгновение. И видел я такое...

Я так и замер с открытым ртом, слушая его.

– Я видел, как люди полетели в небо на огнедышащей колеснице, похожей на гигантскую петарду. Огню и грохоту было столько, что самая сильная баталия с ее ревом пушек и единорогов покажется в сравнении жужжанием комара. Боже праведный! Что же это... – Внезапно брат Рене выпрямился и произнес: – Обещай, мой единственный друг, что это останется тайной! Ты – один, кому могу рассказать я это... Быть может, я безумен, может, вселился в меня какой бес, но... Я вижу это во сне! Сколько молитв, сколько покаяний я произнес, прося Всевышнего избавить меня от этих видений! Все напрасно. Я продолжаю это видеть. Это сильнее меня...

Я обнял за плечи молодого моего друга, готового разрыдаться.

– Господь всемогущ, братец! Все козни дьявола – ничто по сравнению с его могуществом! Молись еще и тогда избавишься от страшных сих видений!

– Я попробую. Прошу тебя, я знаю, ты не доносчик и не клевет настоятелей, у тебя добрая душа, и вера твоя крепка, не рассказывай никому!..

Я поклялся ему Святым Иеронимом, плотью Иисусовой и всем, чем мог...

С тех пор он часто рассказывал мне о снах своих. Чего я только не наслушался!

Сказать, что верил, – не скажу. Но все-таки, осеняя временами себя крестным знаменем, думал я о том, что же это – сатанинские козни или Божье благоволение?

Так шло время, подошла и осень. Наша дружба, скрепленная общей тайной, прочнела и продолжалась. Однако в мире сием ничто не вечно...

Кто-то из ретивых монахов, найдя случайно забытые лоскутки с записями, донес настоятелю. Отец Гийом, человек вельми суровый, немедленно учинил дознание, и открылось, кто пишет их... Брата Рене вызвали к настоятелю, и там он вынужден был признаться, что все это видит во снах своих. Не знаю, о чем говорили они, однако братья, тайком подслушавшие часть разговора, уверяли, что настоятель кричал Рене: «Ты не просто еретик! Ты обуреваем дьяволом! И я изгоню его из тебя!»

Брата Рене препроводили в подземелье, заключив в темную сырую келью, в коей он находился постоянно. Никого к нему не пускали. Настоятель сказал, что дает ему последний шанс отречения и покаяния, прежде чем отправит его в объятия инквизиторов, а уж те найдут способ заставить его раскаяться. Однако до этого дело не дошло. Брат Рене, мучаясь от снов и мыслей своих, а также от сырости и холода подземелья, захворал. С ним сделалась горячка, и он возвращен был в свою келью. Усилия брата-лекаря Зебулона не помогли, и болезнь пожирала юного друга моего. Я был единственным, кто ухаживал за ним, находясь все свободное время у одра болезни. Брат Рене был в бреду, и не мог я ничего разобрать из той бессвязной речи, которая порой вырывалась из уст его.

Но вот однажды поздним вечером он внезапно пришел в себя. Он узнал меня, и слабая улыбка осветила его измученное лицо.

– Брат Жерар... Друг мой...

– Слава Иисусу! Болезнь отступила! Как я рад, друг мой!

– О нет, братец Жерар... Я умираю. Поэтому прошу тебя... Выполни одну последнюю просьбу. Ты был в этой жизни мне единственным другом и хранишь мою тайну.

– Нет, ты не умрешь! Господь милостив! Вознесем молитву, и ты исцелишься!

– Послушай, – он схватил меня за руку.

Слабая его рука вдруг показалась мне стальной хваткой.

– Я более не вижу снов. Все кончено. Но я видел нечто страшное. Апокалипсис... Нет, не было там четырех всадников, Бога или сатаны. Земля была уничтожена людьми. Все горело, рушились города, сравнялись горы... Пепелище вместо цветущего мира... Это так страшно...

– Не может быть! Это тебе в бреду привиделось!

– Нет, это был последний сон. Последний...

Я шептал молитву, но брат Рене снова сжал мою руку.

– Братец Жерар, поклянись, что исполнишь мою последнюю волю!

– Клянусь...

– Напиши обо всем, что слышал от меня. Обо всем, что видел я в своих странных снах. Может, через много лет и будет все это... А теперь... Прощай.

Он умер на рассвете, тихо и спокойно, будто вновь погрузился в сон. Только в сон обычный, непохожий на те, что будоражили разум его.

По приказу настоятеля, я и еще двое братьев-монахов схоронили брата Рене на монастырском кладбище, поставив на могиле простой деревянный крест. Братья помолились усердно. Тогда же я узнал, что было другу моему от роду всего 19 лет...

Я исполнил волю его, тайком, понемногу записывая все то, что помнил из его рассказов. Порою слезы орошали написанное. Вперемежку с молитвою занес я на бумагу все те чудеса, что узнал от этого юноши, чистая душа которого не могла быть одержима бесами. Я теперь уверен: все, что он видел в снах своих, – правда. И да поможет мне Господь. Аминь».

Текст опубликован в Интернете с сокращениями, в частности, без рассуждений монаха Жерара о сущности Бога и дьявола. Вот такая история. Что и как помогало видеть молодому монаху в XVI веке картины будущего, мне неясно. Я не силен в понятиях пространственно-временных континуумов и современных теориях времени и пространства. Но история эта достойна того, чтобы через 500 лет о ней узнали люди.

26 ноября 2011

Фауст-XXI

Доктор Фауст внимательно изучал старинную книгу. За окном царила весна: зелень новых листьев и ароматы цветущих яблоневых садов, голубое небо, ожившая сущность... Но доктора это мало интересовало. Слова на давно забытом древнем языке, завораживая его ум, вели мысль куда-то в глубины, вырывая из сознания некие туманные образы, картины тех далеких времен, что покрылись тысячелетней пылью... Фауст был занят.

Неслышно за его спиной возникла высокая худощавая фигура. Легкое дуновение ветерка – и страницы книги зашелестели, словно сухой листопад.

– Ты мешаешь мне, бес.

– Помилуйте, доктор, я читаю!

Фауст отложил книгу в сторону, близоруко прищурился и усмехнулся.

– Зачем тебе? Ведь знаешь это все – сам участвовал в написании.

– Я смотрю, что вышло, ибо неоднократно многие из вас ее переводили, переписывали, искажали, трактовали по-своему и...

– Мы спорим с тобой уже сотни лет, Мефистофель. Чего только ни говорили, ни делали! Душу я тебе продавал, ты меня пытался в ангелы возвести, а получилось ли что-нибудь?

– Я не виноват, Он решил нас тут оставить, сделав бессмертными. Меня – как бы за порядком следить, что ли, вас... – Мефистофель запнулся, – вас, наверное, в качестве проводника...

– Я уже это слышал. Куда вести? Кого? Ты видишь, что творится? Как они живут? Во что верят? Что делают? Куда их вести? Они и не хотят – идут сами, попутно уничтожая и переделывая все... Вообще все – свою же историю, свою землю, своих детей... Я не думал, что Ему будет так... безразлично.

– А вы не задумывались над тем, что, возможно, следует вмешаться? Я бы помог.

– И что? Мне поверят, что я – тот самый доктор Фауст, о котором этот болван Гете сочинил свою байку много лет назад? А ты – черт и дьявол, Сатана, у которого в распоряжении все темные силы?

– Я вообще-то ангел падший! – Мефистофель сердито стукнул копытом. – И вмешиваться глобально, так сказать, не могу! Не имею права. Вот по-мелкому нагадить – пожалуйста! А по-крупному – это они и сами умеют. Вам же назначено учить! Просветлять, так сказать, души и разум! Вести к Нему!

Доктор Фауст устало прикрыл глаза ладонью.

– Пробовал. Ни черта – прости уж! – не вышло. Они стали верить в целую кучу разных богов, божков и истуканов. Забыта сущность Божья! Да и в чем она? Придумывают все новых и новых, притом новые как можно более отвечают их запросам! Скоро богом станет каждый, кто умеет бросать в толпу пару грошей или дарить бесплатные завтраки. Опять же твой проклятый металл...

– Да! Они по-прежнему гибнут за него! Воюют за возможность иметь все больше! Я был прав!

– Ты всегда и во всем прав, бес... Ладно, у меня есть идея. Попробуем подsunуть им очередную запутанную историю. Введем третью силу.

– Какую?

– Ну, скажем, – Фауст усмехнулся, – из других миров. Справишься?

– Легко! Посмотрим, что они на этот раз запоют!

– Отлично! Вот после ужина и начнем... Итак, поедем ужинать?

– Да, доктор!

Они не спеша спустились по лестнице со второго этажа фешенебельного пентхауза в тихом пригороде огромного мегаполиса. Дьявол услужливо открыл дверцу роскошного «бентли», доктор Фауст важно уселся на сиденье. Мефистофель занял место за рулем.

Мелодичное пение сотового нарушило тишину.

– Алло! О да, мы придумали, вернее, он придумал! Не беспокойтесь, это отличная идея. Справимся, не впервой, вас не подведем! Спасибо!

Мефистофель нажал на кнопку отбоя.

– Волнуется. Спрашивает, как дела. Я его успокоил.

– Замечательно. Включи Джи Пи Эс. Я в Интернете видел вчера рекламу отличного ресторанчика в старонемецком стиле, адрес ввел сюда. Поехали. Пара айсбанов и доброе вино помогут мыслям развиваться в нужном направлении.

Пальцы дьявола резво забегали по цифровой клавиатуре навигатора. Мелодичный женский голос уведомил, что путь начинается.

– Поехали, бес. Нас ждет одно из немногих удовольствий в этом мире – славный ужин.

Автомобиль пополнил поток автострады. Над миром склонился весенний вечер, какой уж по счету. Но не последний.

Номо homini

Зеленоватая муть с пляшущими на ее поверхности циферками высветлила темно-коричневое существо с горящими ярко-желтым огнем пятнами глаз... Чудовище, несмотря на устрашающий внешний вид, пугливо поджав хвост, тоже какой-то трусливо-тонкий и ободранный, несмело двигалось трусцой по направлению к двум огромным бакам...

«Тьфу ты, черт!.. Это ж пес бродячий... Вот замечтался...»

Званцев беззвучно хохотнул. Бродячая псина, промелькнувшая в дигитальном прицеле прибора ночного видения, превратилась в подсознании в образ мистического чудовища. Еще бы – ведь ловят-то не ее, а нечто довольно подходящее для подобных фантазий...

Вчера их группа наконец получила разрешение на то самое задание. Усталый и хмурый полковник, командующий их частью, дымя сотой сигаретой и порой хрипло кашляя от сгустившегося в тесной комнатенке дыма, сердито выговорил:

– Пойдете ночью. Хватит уже этих бредней о вампирах и чудюшах. Отловите эту... падаль, коль будет возможность, живьем. Нет, – он затыкнулся сигаретой, – уничтожить на месте. Идет твоя группа, связь каждые полчаса.

– У меня людей немного, господин полковник, – Званцев попытался было возражать, хотя и знал – это приказ, да и не любил полковник возражений. Однако именно со Званцевым считался и позволял себе его выслушивать, иногда. Но, видно, не сегодня.

– Ты что, не понимаешь – мне приказано! Я тоже приказы получаю. А кто у нас в блоке находится, знаешь? Начальство меня и тебя, ежели что, разорвет, как и это... – полковник замылся, – эта зверюга. Оно ведь на самом деле существует! Выполнять! Немедленно!

– Есть! – Званцев демонстративно козырнул, приложив руку к вылинявшему, бывшему когда-то малиновым, а теперь непонятного цвета берету, и вышел.

...Война шла уже долго. Все стадии Апокалипсиса были пройдены, даже ядерная зима стала привычной, как обыденная скверная погода-дрянь... Город, давным-давно переживший ядерную атаку, лежал в руинах, все выжившие прятались в бункерах под землей, благо, их было немало. Кто попроще – в жалких убежищах гражданской обороны, а кто посолиднее...

Именно такой бункер, из числа командных, с громадной территорией и надежной защитой, они и охраняли. В гигантском подземном комплексе было просторно, сухо, тепло, в удобных комнатах ярко горел свет. Воды и еды – вдоволь. Званцев не знал точно, но, похоже, даже были свои теплицы. Системы регенерации и очистки работали как часы, снабжая обитателей подземного царства всем необходимым, очищенным и почти безвредным.

Это в бункерах «отродья» многие давно умерли и от болезней, связанных с облучением, и от поганой еды, воды и прочего. Выросло уже второе поколение тех, кто знал лишь то, что было «после». Эти дети видели только тесные грязные стены своих жалких убежищ. И, конечно, руины Города. Исключительно руины, не ведая, каким огромным и разноликим был он в мирное время... Их вылазки всегда сопровождались разочарованием, ибо в городе давно уже ничего не было. Все, чему следовало исчезнуть во время взрыва, исчезло. Все, что бросили, спасаясь бегством те, кто не погиб сразу, – давным-давно сгнило, искрошилось, истлело и разрушилось, не представляя никакого интереса для тех, кто пробовал искать среди пугающих остовов огромных домов и полузасыпанных камнем, щебенкой, мусором остатков улиц и постепенно совсем исчезающих шоссе нечто, что можно было бы обменять на дополнительные удовольствия – еду, питье, сигареты или еще что... В бункерах «отродья» давно не следили за тем, как живут люди, по законам или без них, каждый делал что хотел, женщины и мужчины были общими, дети – тоже или, вернее, ничьими. Количество детских смертей и родившихся мутантов не интересовало никого...

Но те, кто все же управлял всем этим, полностью оставляя за собой блага, спасаясь под надежной защитой крепких стен, герметичных покрытий, света, тепла и еды, четко контролировали ситуацию. Они вели войну до сих пор. Ведь враг, находящийся далеко, был точно в таком же положении, живя в подобной ядерной зиме, а ракетные удары были обоюдными. И несколько сотен самых «высоких» людей, разного возраста, но объединенных одним – властью и доступом к оставшемуся оружию, являлись кастой, которую охраняли Званцев и многие другие. Солдат оставалось еще немало... Где-то далеко, говорили, у моря, был настоящий фронт, правда, воевали там достаточно вяло – без крупномасштабных операций и бессмысленной бойни, называемой «победоносными наступлениями».

Они редко выходили наружу, эти люди. Но когда выходили, вернее, выезжали на специальных бронированных автомобилях, группы, подобные отряду Званцева, перед этим прочесывали близлежащую территорию. «Безопасность прежде всего!» – повторял их командир, тот самый хмурый полковник. Редкие рекогносцировки начальства преследовали цели, о которых Званцев не знал. Никто не рассказывал о них – не положено, да и сам он не горел желанием узнать – «едут, хрен с ними, пусть едут, наше дело – зачистка, безопасность». Ремесло солдата, которым он жил всегда, сделало его абсолютно нелюбопытным.

Именно во время одного из таких «выездов» и случилось это в первый раз. В тот момент всех подняли по тревоге спустя час после окончания прочесывания, когда все уже отдыхали в бункере. А попав на место, даже выдавшие виды бойцы в тихом недоуменном страхе молча крестились. Что делать – такого они еще не видели. Церковь же в бункере имела, был и батюшка – отец Филоний, старый, но еще весьма резвый, не по годам...

...Бронированный автомобиль был перевернут. Из лежащей на боку машины свисал, наполовину вывалившись, человек. Вернее, его туловище – головы не было, она куда-то исчезла. Рядом валялись три здоровяка из охраны. Все были мертвы, причем не от пуль... Их кто-то загрыз – одному перекусил горло, второму просто сломал хребет, третьего искромсал, как резиновый манекен для тренировки служебных собак...

– Парни были здоровые, – командир звена разведки Арсений неторопливо курил сигарету. – Охрана генерала Бурко... И профи. Оружие даже не успели применить – все патроны в стволах... Видимо, нечто настолько привлекло их внимание, что они открыли тачку, один вышел, а потом...

– Что потом?

– Кто-то проник внутрь бронеавтомобиля. Почему они не стреляли? А это... кто-то их по одному порешил. Как – сам видишь.

– Тот тип, без головы?..

– Именно. Генерал Савелий Бурко...

– Вот черт... Что за дерьмо тут появилось...

Званцев видел немало боев и смертей. Но то были обычные смерти в боях, если смерть можно назвать обычной – от пуль, гранат, бомб, штыков и ножей... Приходилось наблюдать и страшное – пацанов разрывало на куски, кишки наружу, оторванные руки и ноги... Однако это выглядело все же как-то более естественно. Здесь же, помимо абсолютной непонятности цели убийцы, ощущалось что-то неестественное... Звериное, не человеческое. И это Колю Званцева не радовало...

– О, приперлись, – Арсений указал рукой с зажатой между пальцами сигаретой на группу людей, приближающуюся к ним. – Вот и воронье слетелось.

Званцев посмотрел на идущих к ним. Несколько бойцов в униформе боевого спецназа, на рукавах черных курток – красно-желтые орлы с молнией. «Особый отдел»...

– Прошу освободить территорию, – к Званцеву и Арсению подошел невысокий темноволосяй человек в плаще бежевого цвета. Костюм, галстук, свежая сорочка.

– А вы кто? – больше для того, чтобы поддеть незнакомца, спросил Званцев.

Человек молча вытащил из кармана электронный персонал-кард.

– «Майор Ширияев. Специальное подразделение Общей безопасности». – Званцев кисло усмехнулся и отдал честь.

– Тут теперь наша территория, господа, – вежливо, но тоном, не терпящим возражений, сказал Ширияев. – Вы свободны. Приказ вашего начальства уже в связном терминале.

Арсений молча поднес экран связного устройства к глазам. Несколько секунд читал, затем нарочито небрежно, щелчком, отправил окурочок в кучу мусора и козырнул.

– Все ясно, майор. Желаю... удачи.

Уходя, Званцев кроме военных и Ширияева с еще двумя штатскими краем глаза заметил нескольких людей в белых костюмах, похожих на членов экспертной службы. Но костюмы были странными – напоминали защитные скафандры, и в руках каждого из «экспертов» был металлический пузатый кейс...

«Налеты» неизвестного убийцы повторились еще несколько раз. И каждый из них только добавлял Званцеву загадок. Он не принимал участия в расследованиях, однако... информацию все же какую-никакую имел. Этот «кто-то» убивал жертвы со звериной жестокостью, но вот как ему удавалось заставить вооруженных, готовых к любым неожиданностям людей выйти ему навстречу... Застать врасплох? Вряд ли... Гипноз? Однако машины-то с защитой... Чертовщина какая-то... Коля Званцев не верил в мистику и прочее, эта чушь была ему чуждой. Он насмотрелся всякого, между тем все это было реальным, имело объяснение. А тут... Но и это имеет объяснение, обязано иметь! Кстати, «отребье» таинственный убийца не трогал. По крайней мере, ни одного такого случая не было, иначе об этом узнал бы и он. Только «белую кость» из их спецбункера.

В тот вечер Званцев, выйдя из душа, мимоходом взглянул на себя в зеркало. Высокий сероглазый шатен, мощный торс, сильные руки. В волосах уже седина... Тело было послушным, мозг – сухим и бесстрастным, без лишнего в башке... Званцев не курил, но выпить... Алкоголь помогал стереть картины очередного кровавого месива, тяжелой, проклятой, невыносимо трудной и также становившейся невыносимо обыденной работы, называемой войной, службой... Но всего в меру – и кровищи, и водки... Так он решил давно.

...Анна появилась в его жизни год назад. Это неземное существо в форме дежурного офицера... Она была лейтенантом связи, и встретились они на Главном пульте случайно: девушка сдавала дежурство, а он прибыл с очередной зачистки с рутинным докладом. Коля помнил только, что взгляды их встретились. И он утонул в ее небесно-васильковых глазах...

Руки Анны обвили его снова, тела сблизилась, став единым целым... Он не узнавал себя с ней, делался каким-то другим, исчезали привычная настороженность, профессионально въевшиеся в мозг напряжение и внимание. Сначала ему это не нравилось, потом он махнул рукой – да хрен с ним... Он, видно, все же любил эту женщину...

Резкий писк вызова на коммуникационном устройстве заставил поднять тяжелые ото сна веки:

– Майор Званцев, срочно к полковнику!

– Вызывают?.. – сонно спросила Анна, нехотя подняв голову с его широкой груди.

– Да. Спи. Я скоро...

В маленьком кабинете полковника, затянутом сизой завесой табачного дыма, с которой не справлялась и вентиляция, Званцев с некоторым удивлением застал также майора Ширияева...

– Знакомы? – полковник коротко кивнул на Колино приветствие.

– Так точно.

– Вот и хорошо. Вам... Твоей группе поручено спецзадание. Майор... э-э-э... Ширияев все объяснит.

Майор, усмехнувшись, произнес:

– Вы, майор Званцев, прям герой... По крайней мере, в досье у вас – одни дифирамбы. Если сухую блажь документа можно так назвать... Ну ладно, слушайте.

Ширяев нажал кнопку. На стенном экране появилось нечеткое изображение некоего существа, напоминающего человека, но непропорционально большого, со странной головой, больше смахивающей на башку какого-то зверя. Снимок был размытым, и все же, очевидно после компьютерной обработки, контуры существа просматривались довольно явственно.

– Это единственная картинка, которой мы располагаем, – Ширяев махнул рукой в сторону изображения. – Скорее всего, мутант. Крупный, сильный и очень опасный. Он, по-видимому, и есть виновник всех... эксцессов. Так вот, ваше задание – его нейтрализовать. То есть – взять, по возможности, живым. А уж если не выйдет – труп доставить к нам. В любом виде. Ясно?

– Так точно. Вопрос можно?

– Задавайте, майор.

– Есть какие-либо дополнительные сведения? Его повадки, сенсорные способности, физические и прочее?

– Очень мало. Необычайно силен физически. Видит в темноте, похоже. Передвигается быстро и на приличные расстояния... Чутье собачье... Мощные клыки, когти... Еще?

– Нет, все ясно.

– Да и вот что, Званцев, – Ширяев усмехнулся, – вам выдадут специальные заряды с сильнейшим нейтрализатором. Такой стадо слонов парализует. Примените... если сможете.

– Попробуем. Когда выход?

– Тебе сообщат, майор, – отозвался из-за стола полковник, – в течение часа – боевая готовность.

– Разрешите идти?

– Иди. И осторожней... – Полковник снова затянулся сигаретой.

Мертвый город, казалось, не ждал своих непрошенных гостей. Какие-то шорохи, позвякивание железок, отчетливо звучащие в ночной тишине крысиные бои... И все. Никаких признаков пребывания искомого объекта. Они уже часа два сидели в засаде, у места, где, по словам мужичка из «отребья», случайно видевшего «его», мутант бывает довольно часто. Званцев не стал «шерстить» местность – спугнуть можно. Надо подождать. Четверо его бойцов залегли вокруг, взяв предполагаемое место в полукольцо, расположились так, чтобы ветер не донес до «него» запахи...

Ждали долго...

Он появился внезапно, и никто ничего не успел сообразить. Званцев услышал только вскрик, глухое утробное рычание, дикий вопль боли, несколько выстрелов. Затем еще выстрелы. Огромная, мощная фигура получеловека-полузверя появилась на куче бетонных обломков, затем совершила фантастический прыжок длиной метров в пятнадцать и оказалась рядом со Званцевым. Теперь они были на расстоянии нескольких шагов. Коля ясно видел тускло мерцающие в темноте желтые глаза зверя, мощную, метра в два фигуру, похожую одновременно на человеческую и зверино-волчью. Пасть была полна огромными желтовато-белыми клыками, каждый сантиметров десять в длину. Слюна капала на землю. Монстр был в ярости, но по-звериному спокоен – как и подобает хищнику в решающий момент охоты... И все же что-то вдруг промелькнуло в его желто-яростном взгляде. Секунда... Этого хватило, чтобы Коля Званцев хладнокровно всадил в грудь мутанта заряд нейтрализатора. Тот заревел страшно, двинулся было вперед, но упал как подкошенный.

– Гамаюна он загрыз, господин майор. – Сержант Дейнеко зубами затянул на локте концы бинта. – Джураба лапой сшиб, тот шею сломал... Я вот, зацепил он меня лапой... И Зеленин там, в углу, сидит, бедняга...

– А с ним что?

– Да целый он, только, видать, шок... Перепугался зверюги этой, а ведь и вправду страшен, сука...

– Ладно, приведи Зеленина в чувство, и тела ребят соберите вместе. Я тут побуду...

– Господин майор... – Дейнеко в нерешительности стоял на месте.

– Что еще?

– Он... Этот, как бы гипнотизирует... У меня в башке какая-то хрень появилась, когда он приблизился, – мать увидал покойную, звала меня.

И подружку, Леру... Ее убило давно. Он опасный, не стоит вас с ним оставлять!

– Иди, мне защита не нужна. Ну, исполнять!

– Есть!

Дейнеко, озираясь, поплелся вниз, к сидящему на корточках и что-то полубессознательно ноющему Зеленину.

Званцев вернулся. Не спеша с опаской приблизился к месту, где лежал «нейтрализованный» зверь. И чуть не отскочил в ужасе. Вместо двухметрового гиганта с волчьей головой на камнях застыл мужчина лет сорока, совершенно обнаженный... И это еще было не все. Званцев с мучительной точностью узнал своего лучшего кореша, капитана Митьку Медведева, погибшего года три назад в какой-то идиотской операции, никому не нужной, именуемой «фланговой разведкой». Сомнений быть не могло – это именно Дмитрий. Он нисколько не изменился, только вот шрама на левом предплечье от осколка не было...

«Вот так дела... Вот тебе и мутант... Гипноз? Он меня гипнотизирует, что ли? Ведь Митьку самолично хоронил, видел, как контейнер с телом в печь едет... Что за хрень такая?!»

Званцев осторожно приблизился к мужчине, стволом тихонько ткнул в бок. Ничего, никакой реакции. Да... Дела. Ну что ж, приказ есть приказ, нужно доложить ситуацию и уходить домой. Задание выполнено.

– Званцев... – слабо прозвучало откуда-то. – Коля...

Голос тихий, но вполне реальный. И до боли знакомый...

– Ты кто? – Званцев внимательно смотрел на мужчину. Ствол автомата был нацелен прямо в лоб.

– Я Митька... Только ты убей меня лучше...

– Докажи! Иначе получишь еще зелья нейтрализующего!

– Я... Третий стакан, учебка... Помнишь?

Этого, кроме них двоих, не мог знать никто. Даже если учесть, что кто-то и узнал, все равно – как эта зверюга могла стать Медведевым? Или все это – бред? Его чем-то напичкали?

– Допустим. Так ты кто?

– Я не могу, Коля... – мужчина слабо усмехнулся. – Если узнают, что ты со мной контактировал, – тебе... конец. И мне... Убей меня...

– Не-е-ет, я человек военный. У меня приказ, и я тебя живым доставлю по назначению! Так что или колись, или...

– От тебя пахнет этим... Кто-то рядом с тобой, такой как я! Берегись, Коля! Убей же меня, хрен собачий! – Мужчина стал приподниматься.

– Ну, ну, не балуй! Стреляю без предупреждения! Раз...

Он не договорил. Луч лазерного прицела, скользя по Митькиному лбу, оставил в нем небольшую красную дыру...

– Кто... Какого хрена! – Званцев обернулся в направлении стрелявшего, но что-то кольнуло его в правый бок, и он стал терять сознание. Последнее, что увидел, – искаженное ухмылкой лицо зверя-Митьки...

...Большое, ярко освещенное, полное самых фантастических приборов помещение было пустым, не считая кресла с лежащим в нем человеком. От тела к приборам тянулись многочисленные датчики. Голова была закреплена в металлическом кольце, утыканном странными стержнями, похожими на электроды. Ноги и руки совершенно нагого Николая Званцева были надежно схвачены металлическими держателями.

За стеклом стояла молодая женщина, одетая в форму офицера Специального отдела. Увидев приближающегося майора Ширяева и еще одного, высокого, одетого в дорогой костюм мужчину, она вытянулась по стойке смирно.

– Анна, отличная работа. Все в порядке, вы можете отдыхать, – Ширяев улыбнулся женщине.

– Благодарю, господин майор! – Анна развернулась и быстрым шагом ушла по коридору. Ширяев смотрел, как мужчина провожает ее взглядом.

– Она... э-э-э... тоже? – спросил тот, когда стройные бедра Анны исчезли за поворотом.

– Точно так, господин директор.

– Да... неплохо... Ну что ж, майор, вы славно поработали. Скажете ему пару слов?

– Разумеется, господин директор!

Званцев открыл глаза. Он пытался вспомнить, как сюда попал, но хаотические обрывки всевозможных событий, в том числе и минувшей ночи, никак не складывались в общую картину...

– Ну, здравствуй, Званцев, – Ширяев усмехнулся.

– А-а-а... Вы... Где я? И что это значит? – Голос был хриплым, словно простуженным.

– Ты в лаборатории, майор. Спецлаборатории.

– Какой лаборатории? Зачем? Где зверь этот?

– Видишь ли, Коля, – Ширяев опустил на металлический табурет около кресла, – ты имел контакт с объектом «Икс-Зе 121», а именно – со сверхсекретной разработкой наших ученых, которые смогли создать этакое... существо, имеющее нечеловеческие способности. То есть очень полезное в боевых условиях. Такой зверь может безоружным ухлопать десяток бойцов. Заметь, безоружным.

– Он... это Дмитрий?

– Да... – Ширяев сделал паузу, – это Дмитрий. Его в свое время, раненого, подвергли специальной обработке. И... результат ты видел.

– Зачем же вы его... И я почему здесь?

– Ты... Твои данные вполне соответствуют требованиям обработки. Мы из тебя сделаем супербойца. – Ширяев поднял вверх указательный палец.

– Ясно... Все ясно... Что ж вы, тренировались на своих... людишках?

– А что толку тренироваться на «отребе»? Оно и сопротивления-то оказать не сможет! Другое дело – тренированные профессионалы: охрана там, спецназ... Результаты, сам знаешь, – прекрасные. Не печалься, ты в этом... обличье еще сто лет проживешь. Если постараться. – Ширяев захохотал, довольный своей шуткой.

Званцев с фотографической ясностью увидел всю картину. Они были приманкой, решающим этапом в серии испытаний. Но он вошел в контакт со «зверем». Может, всё подстроили специально?

– Мы это подготовили, – словно угадывая его мысли, проговорил Ширяев. – Именно то, что зверь тебя узнал, спасло твою жизнь. Кроме того, он владеет сильнейшим гипнотическим внушением. Некие биотоки мозга, усиленные во сто крат нанотехнологией. Отсюда и паранормальные способности.

«Вот почему они все выходили из машин... Он мог их заставлять...»

– Тебе же под видом анализа крови влили дозу наноматериала. Нет, пока еще не того – он позволил без вживления всяких чипов точно отследить все перемещения.

– Вторая группа шла за нами...

– Верно. Они всё видели. И сделали свою работу.

«Что же он имел в виду, когда сказал: “Кто-то с тобой рядом. Такой как я”? Он ведь чувал, словно бы...»

И снова, будто читая его мысли, Ширяев, усмехаясь, произнес:

– Мы тебя давно контролируем. Все твои жизненные функции и параметры, что любишь, что нет. Даже... сперму твою исследовали. Тоже нужно.

«Анна. Она – их человек, теперь ясно, однако...»

– Анна – ваш человек?

– Не совсем человек, Коля. Такой же наномутант, но несколько иного предназначения. А «зверь» свою задачу выполнил, теперь твой черед – ты будешь лучше. Ну а сейчас спи. Скоро начнется действие...

Николай молча закрыл глаза. Перед внутренним взором, застывшая в смертельной неподвижности, появилась последняя ухмылка Митьки...

Сбой системы

Черпаков стоял перед огромной дверью, вернее, он считал это дверью, ведь единственное, что давало ему повод так думать, – эта «дверь» имела все же какие-то очертания среди сероватого тумана с багровым оттенком, неясно пульсирующего вокруг. Высоченная, серо-стального цвета, абсолютно гладкая стена, резким прямоугольником выделявшаяся на фоне размытых, странно-неестественных субстанций, колышущихся вокруг.

... Он заснул, как обычно приняв снотворное. Бессонница мучила его уже долго, невзирая на физическую и душевную усталость, апатию, так внезапно вдруг заполнявшую все естество, не дающую отдыха и послабления. Безразличие ко всему... Пара желтых крохотных таблеток, и через несколько минут – тьма. Тьма тяжелого, искусственно усыпленного усталого мозга, равнодушно отдавшего телу команду – «спать!».

Сны ему обычно не снились. Как-то не снились – и все. Тяжелая мутная темень, дрящящая строго регламентированное время, такое же мутное пробуждение, несущее сначала хаотичность мыслей, слабость и отвращение, а затем – привычную тупую апатию человека, свыкшегося с существованием робота, выполняющего команды, иногда «зависающего»... Все это не двигалось ни в каком направлении, не нарастало, не убывало, не достигало апогея или нижней критической точки, лишней раз доказывая тщетность всех попыток что-либо изменить. До сегодняшнего сна...

То, что он назвал дверью, изменило цвет. Багровые тона, меняясь и пульсируя, поползли по всей поверхности, затем огромный прямоугольник словно бы растворился в воздухе, открыв странный коридор с высокими сводами, ярко освещенный непонятным сильным и ровным светом. Коридор терялся в перспективе, создавая впечатление чего-то бесконечного, чуждого, пугающего своей беспредельностью и этим непонятным свечением.

Черпаков, внутренне холодея от страха, несмело ступил вперед.

– Стой, душа! Назовись, прежде чем ступить на эту дорогу! – прозвучал голос. Такой строгий, патетически-громовой, он принадлежал невесть откуда возникшему лицу, похожему более на маску. Это было нечто среднее среди классических изображений нечистой силы, с крючковатым носом и злобными глазами, все же напоминавшее хэллоуиновскую гротескную личину.

Черпаков, сам удивляясь своей решительности, спокойно произнес:

– Я Сергей Черпаков.

– Правильно! – рожа ослабилась. – Черпаков Сергей Иванович, идентификационный номер – 19996789332145771, с прибытием!

– С прибытием куда?

– Как куда? В ад, значит, – весело ответила рожа. – Ты чего, не въехал?

– А-а-а-а... – Черпаков удрученно вздохнул, – значит, вон оно что, – пора, значит... И что же?

– А то! Следуй за мной, душа. Пойдем... По инстанциям...

Адская Рожа, как мысленно окрестил своего провожатого Черпаков, медленно поплыла по коридору. Черпаков так же неспешно двинулся за ней. Странно, чувство некоей неотвратимости происходящего не мешало привычной апатии заполнять мозг и душу тягучей, словно смола, спокойно-насмешливой иронией, столь неподходящей для места, в котором он находился.

Они проделали по коридору довольно длительный путь в молчании. Прямая дорога уперлась в еще одну дверь, на этот раз поменьше, полупрозрачную и легкомысленно оранжевую.

– Так что ж будет со мной? – Черпаков вопросительно посмотрел на своего провожатого. – Куда меня? В ад? В котел, значит, или прямо в пламя?

– Не задавай вопросов, душа, я не уполномочен на них отвечать. Это первое. А второе – вы, людишки, напридумывали всякой ерунды сами для себя. А здесь все не так, не для ваших мозгов! Все продумано! Мудро! Каждому – по заслугам! И... это... ты жди здесь – скоро призовут.

Адская Рожа исчезла, оставив после себя лишь стайку багровых искорок.

Через пару секунд оранжевая дверь растворилась, открыв небольшое помещение со стерильно-белыми стенами. Оно было абсолютно пустым, не считая прозрачной кушетки, парившей в воздухе. На койке возлежала некая особа, одетая в строгий, но немного фривольный наряд. Элегантный жакет и белоснежная блузка деловой женщины, узкая мини-юбка, стильные туфли багрового цвета на высоченных «шпильках». Только жакет слишком уж облегал великолепные формы, а блузка была расстегнута на «лишнюю» пуговицу, открывая вид роскошных персей, на которых светился красным цветом огромный кулон непонятной формы... Узкая же мини-юбка подчеркивала длину и красоту идеальной пары женских ножек. Все это принадлежало зеленоглазой брюнетке ослепительной внешности, с томно-скупающим выражением лица лениво орудовавшей позолоченной маникюрной пилочкой. Черпаков обратил внимание, что ногти, покрытые багровым светящимся лаком, явно наращены. Кроме того, прелестную головку венчала пара кокетливых рожек, указывавших, что перед ним не тривиальная офисная секретарша, а нечто иное.

– Черпаков? – с ленцой в голосе спросила девушка-дьяволица. – ИД... – она с невероятной быстротой протараторила номер.

– Точно... – несколько ошалело произнес Черпаков.

– Та-а-ак... Смотрим, что с тобой хотят сделать.

Девушка махнула рукой, и перед ней внезапно возник светящийся экран, похожий на плоский монитор компьютера. Еще один взмах руки – и по экрану забегали, бойко выстраиваясь рядами, багровые буквы. Несколько секунд девушка, хмурясь, вглядывалась в текст, затем, насупившись еще больше, взмахнула рукой снова. Опять смена букв, какая-то рябь и тут – внезапно возникший на экране ярко-красный странный знак, напоминающий пентаграмму. Девушка с досадой хлопнула по монитору, и он исчез. Затем изящным движением высвободив длинный тонкий хвост, раздраженно шелкнула пальцами. Удлиненная дамская сигарета возникла в уголке ее рта, а хвост ловко поднес к ней невесть откуда взявшуюся элегантную, инкрустированную камнями зажигалку. Щелк! – язычок пламени зажег оранжево-красный огонек.

Черпаков почувствовал запах ароматизированного чем-то дорогого табака.

– Так... Ошибочка вышла, душа, – девушка-дьяволица затащила сигаретой, – ты не должен был здесь быть. Время перепутали. Кто? А... черти его знают! Может, отдел доставки, может, – она указала пальчиком с длинным коготком на место, где несколько секунд назад светился экран, – система сбой дала. Не знаю!!!

– А... что, и у вас система сбой дает? – с несмелой иронией спросил Черпаков, начинающий сомневаться в реальности ситуации.

– А ты думал? Сами изобрели это, сами и мучаемся... Знаешь, ведь и компы вкупе с Интернетом – все это наше... ноу-хау, – дьяволица с раздражением выговорила слово, – а проку-то... Только проблемы... Путаница и ошибки. И никто не в силах навсегда навести порядок.

– А у вас и программисты есть? И эти... техники?

– Есть, есть, – девушка презрительно усмехнулась, – и те, и другие, и ваших привлекаем, да толку-то мало... Вот что, – она резким движением соскочила с кушетки, – я – к начальству. Доложить надо о тебе, только лично. Пусть решает, что с тобой делать.

– А... я?

– Жди здесь.

Девушка, махнув хвостом, растворилась в воздухе. Черпаков уныло присел на корточки, побоявшись опуститься на кушетку, – мало ли?

– Ай-яй-яй, позорище! – плаксиво протянула возникшая рядом с ним Адская Рожа. – Так прокололись...

– Ты... И что же будет?

– Не знаю и не имею права говорить! – Рожа многозначительно скорчила серьезную мину. – Узнаешь скоро. Жди, сказали тебе...

Пара минут прошла в молчании. Наконец Черпаков не выдержал:

– Слышишь, а раньше такие случаи бывали? Как могут со мной поступить?

– Не имею я права говорить с тобой об этом! Жди, всё решат!

– Эх... Котлов, значит, нет, смолы нет... А что есть?

– Душа, любопытен ты, однако! Узнаешь сам скоро! – Адская Рожа многозначительно подмигнула.

Девушка возникла так же внезапно, как и растворилась. Всем своим видом она показывала раздражение и злость. Блузка была застегнута на все пуговицы, даже юбка казалась длиннее.

– Так, душа! Ты идешь к Заведующему Приемом! Веди себя соответственно, он решает твою судьбу! Испепелить грозился, – добавила она обидчиво, – как будто я виновата, что болваны систему не могут настроить... А ты, – она ткнула пальцем в Адскую Рожу, – сопроводишь душу до начальства! Всё!

– А этот Заведующий, он кто? – Черпаков несмело встал.

– Не твое дело! Он – бес Высшего Ранга! Ты его только слушаешь, говоришь мало, он спросит – отвечай. Ничего лишнего! Сам – никаких вопросов! Всё, ступайте, у меня дел... – дьяволица взгромоздилась на кушетку. – Прощай, душа!

Снова коридор, освещенный неземным светом. Шли довольно долго. По дороге Черпаков краем глаза успел увидеть несколько совершенно голых девиц, с рожками и хвостами, весело хохочущих вокруг такого же голого толстяка. Тот замученно молчал, обливаясь потом, на его спине сидела одна из них... Еще пару раз попадались похожие на разносчиков пиццы бесенята, молниеносно летящие куда-то с какими-то коробками в руках.

– Зажми нос, – вполголоса произнесла Рожа.

– Зачем?

– Зажми, говорю!!! И не спрашивай ни о чем!

Нахлынувшее зловоние заставило вспомнить о самых неприятных ощущениях. Черпаков несмело, краем глаза глянул в сторону – в гигантском бассейне барахтались люди разных возрастов, мужчины и женщины, но все почему-то одетые с иголки, с папками и кейсами в руках. Жижка, заполнявшая бассейн, издавала адскую вонь.

– А это что было? И кто эти... – не выдержал Черпаков, когда они удалились на приличное расстояние.

– Адвокаты... – нехотя пробормотала Адская Рожа, – они всю жизнь в дерьме копаются, из дерьма вытаскивают дерьмо же – вот и получают бассейн из дерьма. Так вот...

Черпаков, всю жизнь недолюбливавший адвокатов, усмехнулся.

– Вот, пришли, – Рожа облегченно вздохнула. – Я – доложить, ты – ждешь.

Эта дверь показалась Черпакову более всего похожей на обычную начальственную дверь какого-нибудь офиса. Строгий серый цвет. Никаких переливов и пульсаций багрового – сама дверь говорила о педантичности и занятости того, кто находился за ней.

– Иди! – Адская Рожа выкатилась стремительно, словно гонимая кем-то. – Иди, Он ждет!

Черпаков несмело шагнул вперед...

Это помещение можно было назвать кабинетом, хоть и ощущалось в нем нечто, не соответствующее обычному офису. Окон не было. Строгий массивный, очевидно, дубовый стол. Кресло кожаное, бордового цвета. На столе – подобие телефона, в тон креслу, а рядом – знако-

мый экран с бегущими по нему багровыми буквицами. Сам хозяин стоял у стола, всем видом пытаюсь выказать приветливость и радушие.

Черпаков с некоторым удивлением разглядывал высокого роста, крупного мужчину с каменно-приветливым лицом, морщины на котором придавали ему еще более внушительный вид, как и аккуратно подстриженная черная борода, безукоризненного вида костюм черного же цвета и ослепительно-белая сорочка. Довершал все это немного кокетливый, но элегантный серо-зеленый галстук с огромной булавкой, украшенной багровым светящимся камнем. Глаза Заведующего, серо-зеленые изначально, постоянно меняли цвет. Крупные острые рога, чуть изогнутые, венчали голову хозяина кабинета.

– А-а-а-а, душа неучтенная, проходи! – Заведующий радушно махнул рукой. – Да садись, вот!

Антикварного вида венский стул с дугообразной спинкой возник перед Черпаковым. Тот, несмело приблизившись, присел на краешек.

– Итак, – Бес уселся в кресло, поигрывая брелком с пентаграммой, – вышла... техническая ошибочка. Ты, обуреваемый апатией и безверием, грешник и атеист, должен был к нам прибыть для принятия наказания, так сказать, не сейчас... А еще – открылись некие иные обстоятельства, ибо вмешалась другая сторона! – Он с некоторой опаской указал длинным, покрытым волосами пальцем с бордовым ногтем куда-то вверх. – Они, оказывается, имеют на тебя виды тоже... А поелику у нас паритет и мир, и, – он многозначительно поднял ладонь, – даже... сотрудничество, мы решили тебя после тщательной проверки вернуть! Но с условиями.

– К-какими? – совсем ошалело спросил Черпаков, не верящий во внезапное свое спасение. Странно, но ему стала вдруг дорога и интересна его жизнь, и к почти забытому чувству радости спасшегося от беды добавилось некое незнакомое чувство чего-то неделанного, но вымученного в многолетних мечтах...

– Слушай внимательно! – Бес подвинул к Черпакову лист бумаги, скрепленный печатью, непонятного вида и цвета. – Здесь перечислены условия возвращения и твои обязанности. Сейчас ты это читать не должен – просто подпиши! А вот по возвращении – каждую букву выучи наизусть! И постарайся вникнуть полностью в смысл написанного, ибо там ясно сказано, что можно, а чего нельзя! Понял?

– Э-э-э-э... Да... – Черпаков несмело взял в руки бумагу. – А подписывать обязательно?

– Да! И немедленно! – Заведующий строго постучал пальцем по столешнице.

Черпаков мучительно рассуждал, вся жизнь пронеслась перед глазами, мельчайшие подробности полузабытых событий... Даже последние диковинные вещи вспоминались бегло, главное было не в них...

– А ежели я... не подпишу? – глухо произнес он, отодвигая бумагу.

Бес побагровел, обличье стало меняться, напоминая все больше те самые изображения злобствующего Сатаны, которые были так знакомы по фильмам и рисункам. Даже глаза его стали ярко-багровыми от гнева.

– Тогда пеняй на себя, грешник! Ваши рассказы об адовых муках – чепуха и детский лепет по сравнению с тем, что тебя ждет здесь! Опомнись, подпиши же и будешь свободен!

– Не хочу! – выдохнул Черпаков. – Я так понимаю, подпишу – значит вам, бесам, душу продам. А мне этого не хочется. Даже за счастливую жизнь, и не в адских муках дело. Лохануть меня хотите, ваше... бесовское благородие... Не-е-е, не подпишу. Лучше – в котел!

Черпаков встал со стула, готовый принять все муки и удивляясь сам своей смелости.

Но... гром не прогремел, никто не низвергнул его в кипящую смолу. Бес внезапно весь расплылся в ухмылке, глаза позеленели, а рожа стала добродушной, словно у тренера команды аутсайдера, внезапно опередившей лидера лиги.

– Bravo, душа! – Заведующий весело рассмеялся. – Отлично пройдено испытание!

Он выскочил из-за стола и быстро заговорил, меряя шагами кабинет.

– Ты молодец, и меня не подвел, и... их, – он ткнул пальцем вверх, – не разочаровал. Значится, недаром они тебя велели испытать, недаром! Итак, испытание пройдено – ты возвращаешься назад, правда, срок твоего пребывания открыть тебе не могу – правила! А за техническую ошибку, – он, усмехнувшись, подмигнул Черпакову, – компенсация! Какая – увидишь. А пока... коньячку не желаете? Отличный есть...

– А, была не была! – Черпаков усмехнулся, впервые с начала пребывания в этом непонятном месте. – Давай!

Бес-Заведующий хлопнул в ладоши, и на столе возникли два бокала с янтарно-коричневой жидкостью, наполнившей комнату ароматом настоящего напитка, серебряная тарелочка с мелко нарезанным лимоном и кусочки сыра, нанизанные на палочки-зубочистки.

– Вот, прости, у нас тоже... лимит, – Бес усмехнулся, – видишь, это ограничено.

– Да ладно уж, пьем?

– За грешных и святых! – Бес многозначительно поднял бокал.

– Ага... За программистов, – усмехнулся в ответ Черпаков.

У самой входной двери его догнала невесть откуда взявшаяся девица с кушетки.

– Это... Вот, велено передать, – она протянула Черпакову маленький сверточек.

– Это что?

– Разверни, увидишь.

Черпаков удивленно смотрел на флешку, обнаруженную внутри свертка.

– И что на ней? – Он вопросительно посмотрел на девицу-чертовку.

– Там? Файлы оптимизации баз данных. Наша разработка. Это тебе – компенсация за... неприятности! Гудбай! – девица взмахнула рукой с коготками и, вильнув хвостом, исчезла, оставив запах дорогого парфюма...

Офис встретил Черпакова обычным шумом, трелями телефонов и невообразимой неразберихой, впрочем позволявшей кое-как все же работать...

– Серега! Наконец-то! – его коллега, Павел, весь взъерошенный, словно мокрый воробей, подбежал к Черпакову.

– Привет! Что стряслось-то?

– Опять сбой в базе данных. Перепутано все, ни хрена не работает эта прога... Мы уж не знаем, что делать. А шеф рвет и мечет – тебя требует! Он ждет уже, три раза справлялся, где ты, как, зачем и почему...

– Ладно, все исправим, не переживай! Так мне к нему?

– Да! Иди, вон Эльвира, сучка, уже здесь!

– Сергей Иваныч, вас заведующий требует немедленно! – прозвучал голос секретарши шефа, Эльвиры, длинноногого существа с роскошными формами, совершенно несоответствующими содержанию и качеству работы того, что покоилось под черепной коробкой шикарной брюнетки с зелеными глазами.

Эльвира была столь же тупа, сколь и высокомерна, правда, никто не знал, обязано ли это высокомерию складу характера или же личным отношениям с боссом, слывшим изрядным любителем женского пола, да поглупее.

– Уже иду, Эльвира! – Черпаков одарил ее самой приветливой улыбкой.

Он вздохнул и смело открыл дверь кабинета, где хозяином восседал за массивным столом толстяк с обеспокоенно строгим выражением лица, удивительно похожий на полузамученного голого человека, виденного им в Чистилище.

– Здравсте, Порфирий Саныч! Что-то опять не в порядке? – усмехаясь про себя и сжимая в кармане подарочную флешку, бодрым голосом произнес Черпаков. – Сейчас разберемся!

Бытие

– Эта планета мертва, – Координатор грустно усмехнулся, – нет никаких признаков не только разумной, но и простейшей жизни. Пять раз мы проверяли снова и снова. Тысячи проб атмосферы, грунта, воды. Сотни роботов-зондов, миллионы снимков.

– Странно, – отозвался Ученый, – столько кислорода в атмосфере... Вода... температурный режим, тепло, излучение светила... Мягкое излучение... Она далеко от своего светила, и это помогло ей не быть сожженной его лучами... А жизни нет.

– Да, странно. – Координатор снова и снова смотрел на экран, на котором мелькали панорамы поверхности планеты.

– Координатор, я хочу сам посмотреть на это, – тихо, но твердо произнес Ученый, вызвав у коллеги внутреннее удовлетворение.

Но Сборник Параграфов запрещал это. Однозначно. Им нельзя. Только роботы.

– Вы знаете правила, – сухо ответил Координатор, – и, кроме того, там опасно. Активнейшая деятельность вулканов. Цунами. Землетрясения. Она еще так молода, эта планета... И так похожа на ту, которую мы покинули много веков назад. Вернее, на прежнюю...

– Именно об этом я и говорю! – запальчиво продолжал Ученый. – Такой была и наша планета! До того, как сделаться мертвой... – продолжил он уже спокойнее.

– Это не вина жизни, ее населявшей, – произнес Координатор, – природа распорядилась так... С нашей планетой, с нами. Но мы сумели спастись и теперь ищем новый дом. Похожий на свой, старый. Почти нашли, однако... Нужно разгадать загадку этой планеты, мало ли какие сюрпризы готовит нам Вселенная?

– Вы правы, – печально отозвался Ученый, – разгадать загадку...

Глобальная катастрофа началась внезапно, хотя и была якобы предсказана тысячи лет назад. Они всегда верили в Конец Всего... Причины менялись, предсказания рознились, но суть оставалась неизменной – Конец Всего наступит рано или поздно. И он наступил, и был ужасен, гораздо страшнее всех тех, что описывали предсказатели, подобно тому, как жалкий писк комара походит на рев ракетного двигателя. Земля, словно ополчившись на человечество, разом уничтожила его, стерев с лица своего все то, что тысячелетиями создавали люди, кичившиеся собственными «огромными успехами» и прочим. Она еще раз показала, как слаб разумный человек с его неразумными амбициями и деяниями перед лицом Великой Природы. Мало кто верил в сверхъестественное – богов, духов, призраков и прочее, они давно уже уступили место вере в могущество разума. А Природа, Мать живого, просто сдула все это могущество вместе с его авторами со своего лица, как сдувается свежая пыль, легким дыханием ветерка, одним вздохом.

Но они погибли не все, небольшая, очень малая часть сумела спастись и теперь странствовала в Космосе, пытаясь найти место, которое примет их... Они стали Пилигримами Космоса и вот уже несколько поколений всё ищут, ждут и верят, что во Вселенной для них найдется новый дом. Между тем пока даже похожего ничего им не встречалось, хоть странствования и протянулись на многие-многие неисчислимы и непонятные для ума человеческого расстояния.

Огромный Корабль висел на орбите планеты, словно усталый, покрытый дорожной пылью и грязью непрошенный гость, который боится войти в дом хозяев, а те, в свою очередь, не спешат приглашать его. Внизу в голубоватом сиянии далекого светила переливалась зеленью с редкой игрой желто-бурых оттенков незнакомая планета, близкая и одновременно далекая и чужая, словно в насмешку имевшая великолепные условия для жизни, такой же, как и у тех, что наблюдали за ней. Мертвая планета. Ибо ничего живого на ней не было... Даже микро-

организмов не обнаружили роботы, скрупулезно просканировавшие сотни тысяч квадратных километров поверхности, суши и моря, рек и пустынь, лесов, поразивших схожестью с теми, полузабытыми... По молекулам исследовали образцы грунта, скал, песка... Ничего. Никаких форм жизни, хотя все было в норме – на основании критериев гостей. Ни радиации, ни жестких излучений, ни ядовитых газов в атмосфере – ничего. И тогда им стало страшновато – ну почему? Почему в столь благоприятной, по их знаниям, среде нет ни единой живой твари? Даже самой крохотной, простейшего вируса? В чем же причина?

Ученый вновь и вновь перечитывал книгу, которая показалась ему интересной. Он не поленился взять ее сам из хранилища старинных вещей, тщательно оберегаемых на Корабле. Книга была старинной, напечатана на материале, называемом «бумагой», но самое интересное, что она уже тогда, когда вышла в свет, была старше Истории Полета, и намного. Древнее истории нескольких поколений Странников, покинувших мертвый Дом в надежде найти новый...

«...И создал Бог Человека по образу и подобию своему, и вдохнул в его уста жизнь, и...»
Резкий сигнал вызова отвлек Ученого от чтения.

Он нехотя отложил книгу в сторону и включил коммуникатор. На экране возникло хмурое лицо Координатора.

– Здравствуйтесь, я вынужден вас отвлекать.

– Ничего страшного, я, собственно, ничем таким уж важным не был занят. Что-нибудь срочное?

– Да уж не знаю, срочное или нет, но... Короче, нами зафиксирован мощнейший всплеск энергии. На расстоянии нескольких тысяч километров от поверхности планеты. Интенсивность и мощность просто не поддаются нашим оценкам. Это нечто... совершенно удивительное и незнакомое. Нечто, очевидно, из глубин Вселенной.

– Я поднимаюсь в командный Центр. – Ученый поспешно стал собираться.

– Да, мы ждем вас...

– Ничего не понимаю!!! Отказываюсь понимать! Это не поддается ни логике, ни законам Космоса, ничему! Что же это? – Физик нервно расхаживал по Комнате Заседаний, где вот уже несколько дней все члены «ученой команды» странников следили за событиями на столь разочаровавшей их планете.

В течение же этих нескольких дней случилось столько, что ни суперкомпьютеры Корабля, ни головы ученых не могли дать этому ни малейшего объяснения. Все началось несколько дней назад. Ранним утром, по времени планеты, датчики одного из роботов засекли всплеск биоэнергии, абсолютно похожей на ту, исходящую от живых существ, населявших когда-то покинутую мертвую землю. На следующий день этих всплесков стало столько, что пришлось отключить сенсоры – они не справлялись с активностью. Это говорило лишь об одном – на планете внезапно зародилась жизнь! Причем формы ее были столь разнообразны, что ученые просто ошалело просматривали видеопотоки, исправно пересылаемые сканирующими роботами-зондами. Тут были и рыбы, и звери, и насекомые, и бактерии... Бактериями кишела вся поверхность, рыбами и морским зверьем наполнились реки, моря и океаны, а на суше появилась такая тьма различных животных, что даже классификатор Суперкомпьютера не в силах был систематизировать все это...

Но самым удивительным оказалось то, что каждый раз предшествовало появлению новых форм живого. Всплески непонятной, пугающей своей мощью, неизвестной энергии, источник которой невозможно было определить. Как ни старались, как ни пытались отследить, откуда берется эта странная, столь могучая неизвестная сила, – все попытки были тщетными.

– Это противоречит всему, что мы и наши предки знали о живом, – Биолог, человек спокойный, даже флегматичный, задумчиво поглаживал короткую бородку, – и у меня нет никакого объяснения этому... Никакого.

– Состав атмосферы не изменился ни на йоту. Как и состав всего остального, – Геофизик, женщина с большими синими глазами и копной рыжих волос, улыбнулась, – никаких изменений ни в структуре коры, ни в магнитных поясах, все по-прежнему. Норма...

– Что же это за энергия? – Координатор, с видимым спокойствием наблюдавший за учеными, медленно развернулся в своем кресле. – Она, хоть и титанически сильна, не меняет в структуре поля планеты абсолютно ничего... Но вы видите сами, к чему это приводит.

– Нечто, некое силовое поле Вселенной? – полувопросительно произнес Астрофизик, молодой человек с отчасти детским выражением лица, на котором смешивались страх и восхищение, вызванные происходившим...

Так прошел еще день. Они наблюдали, спорили, временами просто молча смотрели на экраны, но ничего не прояснилось. Они не могли этого понять и объяснить, ибо разгадки у них не было. Просто мозг отказывался все это как-либо упорядочить, втиснуть в рамки, сжать ограждениями законов, описанием процессов и сущностью реалий. Это больше напоминало сон.

На шестой день, когда, уставшие от обилия впечатлений, непонятности происходящего и споров, все они собрались просто пойти отдохнуть, бесстрастный голос Компьютера произнес:

– Зафиксирован всплеск энергии. Характер – отличный от предыдущих. Интенсивность выше на... порядков. Длительность... Параметры расхождения... Веер частиц...

И через несколько секунд так же бесстрастно доложил:

– Новая форма жизни. Биоизлучение и антропараметры близки к виду «человек разумный». Сигнал от двух особей. Интенсивность и характер разнятся. Вывод – особи разнополые. Разрешите более глубокий скан?

– Д-д-а-а... Разрешаю. – Ошалевший Координатор непослушной рукой пытался настроить сенсорный экран, что позволял увидеть тех, о ком доложил Компьютер.

...На зеленеющей траве, среди деревьев, покрытых плодами, в благоухании сада стояли Двое... Он и Она. Они уже не удивлялись друг другу, они просто знали, что созданы друг для друга и так будет вечно...

– Я понял, что это было, – тихо и спокойно промолвил Ученый, – это уже происходило, видно, не раз и будет еще больше раз повторяться...

– Что... это? – Координатор, словно очнувшись ото сна, пытался унять дрожь рук...

– Это написано здесь, – Ученый положил перед Координатором книгу, – все это описано здесь, это было и с нами. Вернее, с нашим Человечеством. Значит, таких миров много и этот – эта планета – один из них. Вот почему мы сразу не нашли жизни, она должна была появиться, и она появилась...

– Вы хотите сказать, что некто... или нечто создало все это? Сразу, минуя миллиарды лет эволюции? Но... подобное ведь невозможно! Наши предки отказались от этого уже так давно! И доказали несостоятельность данной... теории!

– Значит, они ошибались. Мы ведь видели это, так сказать, своими глазами. Кроме того, были в старину сумасшедшие гении, считавшие, что толчок к эволюции дала именно некая Высшая Сила. Вот вам и доказательства.

– Не знаю... не могу поверить... Это... Нет, не может быть! – Координатор в ярости стукнул кулаком по книге. – Этого не может быть!!!

– Может быть или нет, но это есть... – Ученый грустно усмехнулся. – И говорит это нам о том, что сей Мир... уже занят. А нам нужно продолжать искать другой, если, конечно, Он, – Ученый кивнул головой в сторону экрана, на котором бежали колонки цифр с характеристиками последней вспышки излучения, – если Он предусмотрел такую возможность... Придется уповать на Его милость. И нашу удачу. Мы продолжаем, а они только начинают. И кто знает, что будет дальше...

Июль 2012

Диспут

Гигантских размеров зала, более похожая на целый город, чем на помещение, была вся залита ярким светом. Свет этот, исходящий неведь откуда, шел явно не от свечей или факелов и даже не от солнца. Светом было заполнено все, не оставалось и крохотного уголка, скрывающегося хотя бы в полумраке. Высоченные колонны, подпирая чуть виднеющийся в высоте купол небесно-голубого цвета, тянулись бесконечными рядами по обе стороны залы. Их гладкая поверхность непонятного, все время меняющегося цвета была усеяна еще и некими сверкающими точками, сияние которых, напротив, не кололо, а ласкало взор.

В самом начале залы, на ведущих к возвышению ступенях, увенчанных обширным помостом, стояли двое. Один был одет в черный глухой плащ с капюшоном. Второй – наоборот, весь светился под стать зале, его лицо, лик прекрасного юноши, было открытым, но выражение говорило вовсе не о вселенской доброте. Юноша был хмур, раздражен и нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

Первым нарушил молчание черный:

– Гавриил, перестань нервничать, еще немного – и все начнется.

– Как? Перестать? Да у меня дел по горло, и ежели бы не приказ, я тотчас отправил бы всю эту публику напрямиком в...

– Куда? – расхохотался черный. – В ад? Они оттуда и взяты. Для разбирательства. И мы должны заставить их рассказать правду!

– Какую? Что есть грех? Что они чувствовали, предаваясь ему? О Сущем и Высшем думали? Закоренелые отступники от Деяний Божиих! Отребье, которое следует не просто мучить вечно, а уничтожить! Так, чтобы и следов не осталось! И памяти никакой!

– А вот это, братец, чёрта с два! Людишки там, – черный узловатый палец с длинным желтым ногтем указал куда-то вниз, – помнят именно их грешки. Во всей красе! Всю похоть, весь содом, все это сидит в памяти, приукрашивается, делается историей, и даже фильмы снимают об этом! Они говорят, это часть истории цивилизации.

– Нарушение Заповедей Божьих! Содом и Гоморра! Грех, искушение и кровосмешение! Да я бы их...

– Тихо, кажется начинается...

Зала постепенно наполнялась посетителями. То тут, то там возникали фигуры мужчин и женщин, одиночки и пары. Странная публика. Хитоны и покрывала женщин соседствовали с роскошными нарядами фавориток и дам высшего общества, одежды древних жриц любви – с вечерними платьями, строгими костюмами и даже джинсами и блузками-топ. В толпе же мужчин можно было разглядеть и тоги древних римлян, хитоны греков, латы и пышные камзолы, фраки и костюмы. Кое-где мелькали обнаженные тела, груди, ягодицы, фаллосы и прочее... Толпа шумела, гул удивления и непонимания витал под сводами залы. Все несколько недоуменно разглядывали друг друга, некоторые даже дотрагивались до тел невольных соседей. Никто не мог уразуметь, зачем все это и почему их всех собрали здесь.

Гул недоумения усиливался, толпа волновалась, слышались уже довольно громкие крики возмущения.

– Твоя очередь, Азраил, – промолвил светлый, – скажи им...

– А ну, тихо! – голос Азраила громом прокатился под высоченными сводами, леденя кровь и утихомиривая самых возбужденных – Всем молчать! Слушайте, грешные души! Вас собрали здесь, всех вас, объединенных общею виной. А именно – блудом, прелюбодейством, сладострастием, содомией и развратом! Не стану перечислять всех ваших прегрешений, ибо уже половины сказанного достаточно, чтобы оставить вас всех в огне адовом навеки! Однако есть некая проблема. Высокие стороны, каковые вам известны, никак не могут понять, что же

движет вами, вашей... похотью, заставляя совершать столь гнусные поступки. Поэтому решено собрать вас всех и дать возможность самим рассказать об этом. Только честно, без вранья и сказок! Всякое вранье немедленно будет открыто, и подлый лгун, – он усмехнулся, – а особенно лгунья, понесут наказание тут же! И еще – я, Ангел Смерти, Азраил, все меня знают, всем известно, на что я способен, и пощады не ждите! Краснобайства от меня – тоже! Говорю прямо, просто и достаточно понятно для всех! Другую же сторону... э-э-э-э, представляет... Архангел Гавриил, чье имя вы тоже слыхивали, – вежливый кивок в сторону юноши, хмуро слушающего речь своего оппонента. – Сей юноша весьма строг в вопросах, касающихся вас, однако, уверяю, более беспристрастного оценщика подлых ваших деяний вы не сыщете ни на этом свете, ни на том, откуда вы все, нам на головную боль, попали сюда! Итак, начинаем. Первое слово – дамам, – Азраил ослабил.

Толпа, испуганно молчавшая на протяжении всей его речи, была неподвижной. Лица мужчин и женщин выражали противоречивые чувства, однако никто не посмел заговорить.

– Ну, что же вы? Или сладкие грешки легче совершать, нежели поведать об этом? – Азраил иронически оглядел замершую толпу. – Да, кстати, забыл! Ежели объяснение или какой рассказ кого-либо, по мнению высоких сторон, внесет некую... э-э-э... ясность в понимание причин, вам милостиво будет разрешено немного облегчить свою незавидную участь. Как именно? Узнаете сами, но только в случае, мною оговоренном. Ну же, вперед, дамы!

Ослепительной красоты женщина, одетая в расшитый золотом хитон, сверкая драгоценными подвесками и серьгами, с кубком в руках, несмело вышла вперед.

– Я хочу сказать...

– О-о-о-о, Клеопатра Египетская! Ну, слушаем!

Она, проведя рукою по иссиня-черным густым волосам, украшенным тяжелой диадемой с изумрудными скарабеями, сначала тихо, а затем, осмелев, начала:

– Грешные женщины обычно всегда каются. Мол, согрешили, плоть взяла верх над разумом и верою, жажда власти, наслаждений и так далее... Я же скажу правду – виноваты не мы! Виноваты мужчины! Они, делая нас добычею своею в битве, любовных играх или интригах политики, обращаются с нами, как с игрушками, напрочь забыв, что измена и холодность их разбивает не только сердце, но и душу! Предательство мужчин не знает равных! Что им слово, что клятвы, данные женщине, – пустяк, когда на кону – власть, золото или жизнь!

– Это всё?

– Да, – Клеопатра, разгорячившись от речей, была чудо как хороша.

– Ступай. Говорено правдиво... Кто еще?

– Я добавлю! – рыжеволосая красотка, одетая в пурпурно-золотую тогу, смело выступила вперед, видимо ободренная предыдущей речью.

Азраил обратил внимание, что Гавриил неотрывно смотрит на ее изящные маленькие ступни в золоченых сандалиях.

– Валерия Мессалина! Слушаем тебя!

Картинно выпрямившись так, что тонкая ткань облегла ее великолепное тело, подчеркивая все его прелести, Мессалина заговорила:

– Именно так и обстоят дела! И я хочу сказать, что если мы, женщины, идем на злодеяния, то не во свое имя, а во имя того, что люди называют любовью, страстью, похотью, все равно! Яд и кинжал, мечи и кресты служат лишь целью и оправданием всепоглощающей нашей чувственности, влечения к мужчинам, с которыми боги, – она запнулась, – или бог соединил нас навечно стремлением продолжения рода. Так что в ответ на коварство мужчин – а оно неизмеримо больше – мы применяем коварство женское.

– А оно неизмеримо коварнее! – Из толпы выступил мужчина в одеянии римлянина, с лавровым венком на голове.

– Калигула! Вот уж не ожидал от тебя речей! – Гавриил впервые, оторвавшись от созерцания прелестей Мессалины, подал голос.

– Позвольте мне, высокочтимые патроны, высказать мнение свое относительно этой извечной задачи, которую ни философы, ни благородные мужи, ни тем более дамы так и не смогли решить! – Калигула явно был в ударе, его глаза блестели, а лицо покрылось румянцем. – Мы, существа мужского полу, подобны пчелам, кои, летая день-деньской над благоухающими цветами, постоянно опускают хоботки свои в лона этих прекрасных творений богов, собирая сладчайший нектар, дабы потом превратился он в мед, столь ценимый всеми! Но! Пчелы-труженицы собирают сей нектар, мы же, мужчины, напротив, отдаем его сиим созданиям, так привлекающим нас своею красою, чудным ароматом и боги ведают, чем еще. Однако не может одной пчеле принадлежать только один цветок! Пчела должна собрать... простите, дать множеству цветков свое, скажем, семя, дабы меду сего было как можно более! Но цветы эти сколь красивы, столь и коварны! Подобно Сиренам, завлекающим Улисса, пытаются они привлечь пчелу-беднягу, привязав его только к себе, пускаясь для этого в столь сильные интриги, коварство и прочее, что куда уж бедным пчелам тягаться с ними! Боги, или бог, не буду уточнять, создавая все, видимо, надеялись на благоразумие прекрасных цветов, однако сии создания обманули их надежды! Я кончил, граждане, – с пафосом произнес он.

– Хм-м-м... Оправдание разврата и многоженства, мультигамия по Калигуле... Красиво, но... неубедительно, – Гавриил взмахнул рукой, и развратный император тут же исчез, словно растворился.

– Куда его, назад отправил? – негромко спросил Азраил.

– Да. Знаешь, небось, каково его наказание?

– Убирать за своим конем навоз. И изредка конь этот его еще и... А потом наоборот. И так целую вечность, – давась смехом, прошелестел Азраил.

– Вот-вот... Достойное занятие. Ну, видите, я держу слово, – вновь обратился к притихшей толпе грешников Гавриил, – этот оратор сморозил глупость, скажем, сказал неправду, и возвращен обратно. Итак, кто еще хочет попытать счастья? Не бойтесь же, терять особо нечего, смелее! Говорите как есть, это только на пользу.

– Грех наш нельзя измерить никакою мерою, – старик в красной мантии, с тиарой на голове, тяжело дыша, выступил вперед. – Это касается и мужчин, и женщин! Не буду просить прощения и каяться, ибо устал от всего за долгую свою жизнь. Что же толкает людишек на разврат? Дьявол-искуситель? Жажда познать запретное, та самая, которая в виде змия соблазнила прародителей наших, Адама и Еву, в райских кущах? Нет! Жажда продолжения рода людского, созданного по образу и подобию Господом! Велика сия сила, и мы, мужчины, зная, что наградою нам будет безумное блаженство, стремимся, как одержимые, к этим самым цветкам, о коих говорил император Калигула! Всевышний дал нам влечение сие, в награду ли, в наказание ли, но – дал! И мы не можем ничего поделать с этим – ибо слаб человек! Потому вновь и вновь желаем познать аромат и вкус все новых и новых плодов!

– Кто это? – вполголоса спросил Гавриил.

– Сразу видно, ты не знаком с грехом во всей его красе, – улыбаясь, ответил Азраил. – Знаменитый Борджиа-отец, он же Папа Римский Александр Шестой... Из всей вереницы чудовищ-понтификов он, пожалуй, самый выдающийся. Такой смеси коварства, жестокости и развратности мир до него, наверное, не знал. Но... Тут говорит честно. Я чувствую. И детей своих любил, хоть и собственную дочь, Лукрецию, того... А сынка Чезаре пытался отравить. Или наоборот... Уж не помню. Они-то тоже здесь, и их, может, слушаем. Однако он правду говорит. Засчитывается.

– Борджиа, ты правдив. Иди на место.

– Хвала Всевышнему, я сказал правду...

– Дайте мне слово! – дородная дама в парчово-атласном платье с роскошным кринолином и высоким парике, украшенном бриллиантовой диадемой, властно выдвинулась вперед, уверенно отгесняя невольно расступающихся соседей.

– Ваше Императорское Величество! – пропел с некоторой издевкой, но все же почтительно Азраил. – Просим, просим. Скажите слово!

– Слушайте же, наделенные властью и те, кто этой власти никогда не знал, да будут они благодарны Господу за это! Женщина, как задумал создатель, – существо более слабое, созданное для дома, продолжения рода и воспитания детей. Так повелось с незапамятных времен, так и поныне, – императрица указала куда-то вдаль пухлой белой рукой, унизированной бриллиантами, – в том мире и осталось. Правда, дошли и до меня слухи, что женщины пытаются воевать с мужчинами за равенство свое. Но я еще Вольтеру и Дидро писала: равенство полов – утопия, и сия утопия не сможет никогда победить, что бы великие вольнодумцы ни делали, какие бы мысли свои они ни изливали на бумаге. Однако... Я была правительницей великой державы, о коей, прибывши туда еще девочкой, не знала ничего! И превратила ее, ослабленную и раздираемую интригами и междоусобицей, в сильную и великую! Я правила, повелевая мужчинами, которые поначалу хотели сделать меня своей рирре, но затем желали и убить меня, когда увидели мою силу и стойкость, оценили мой разум! Однако сказать я хочу другое – я стала мужчиной! Да, да! Не в прямом смысле, но я стала думать не как женщина, желать не как женщина, а как государственный муж! Я стала императором, хоть и называлась Императрицей Екатериной! И я поняла горькую истину мира сего: только мужчина или наделенная властью мужчины, его образом мыслей и твердостью женщина, превратив сердце свое из женского в мужское, обратив даже похоть свою, неотъемлемую от женщин, на благо сих деяний, может стать великой, достойно соперничая с государями достославными! А вот наградой за это было... – Екатерина на секунду умолкла, лицо ее помрачнело, но очень скоро голос вновь зазвенел твердостью, – было пустое место... Не знала я ни покоя, ни отдыха, любви настоящей, мужа и соратника во всем, заменяя это фаворитами. Да, были среди них и достойные мужи, которые у руля державного пеклись о благе государства, но... Я сделала их! Не они себя! И все, что говорят о похоти моей, – правда. – Екатерина опустила глаза, однако вновь вскоре подняла их. – Ибо не было у меня того, что предписывает Всевышний каждой женщине! И предавалась я разврату и греху, ибо – майн готт! – это только спасало меня от пустоты, которая долгие годы жила во мне вместо женского начала! Итак, оправдание такому греху – дела власти. Может, и не стоит стремиться женщинам к ней, однако же, коль уж выходит так, – нет другого выбора. Я все сказала.

Азраил молчал, сосредоточенно думая.

Гавриил после нескольких секунд паузы произнес:

– Ваша правда, императрица. Честно. Однако же гордыня – худший из грехов... Ждите.

– Она даже собственного сына подозревала... И было за что – он ее ненавидел, ибо его всячески притесняли, – подал голос мужчина средних лет, в щегольском камзоле, высоких ботфортах и шляпе с легкомысленным пером. Небольшая бородка украшала красивое холеное, но несколько обрюзгшее лицо. Шпага, болтающаяся на боку, дополняла облик мужчины, вызывая у присутствующих смутные догадки. Впрочем, даже здесь он успел глазами «раздеть» немало дам, а некоторые, на которых одежды было совсем немного, почувствовали жгучее желание во всем теле...

– Дон Жуан, вы решились сказать слово в защиту женщин? – Азраил захохотал.

– Да, сеньоры и сеньориты, клянусь Святым Калатравой, я, может, и развратник, искusstель и еретик, но не лжец! Слово гранда Испанского Королевства, а оно чего-то да стоит. Великая государыня, имея во владении великую державу, свою, внутреннюю державу оставила в запустении! И виною сему – власть! Власть и честолюбие, как мужское, так и женское! Женщина – это создание, которое любит, чтобы ему постоянно напоминали о его красоте, шептали

комплименты, сочиняли и пели серенады, дрались из-за нее на дуэлях и множество прочего! Такова природа женская, сеньоры и сеньориты, так Создатель захотел, повторю я слова, уж прозвучавшие сегодня в этом зале, и так оно и есть! А мы же, доблестные мужи, привычные к смертям на поле брани и к грубой силе, таем, подобно воску свечному, от их красноречивых взглядов, страстных вздохов... глаз, за которые согласен отдать все сокровища мира... – Дон Жуан мечтательно прикрыл веки, но, опомнившись, откашлялся и продолжал: – Мы ода-ряем их яхонтами и золотом, украшаем их божественные тела лучшими одеждами, страстно ловим каждый взор, зная, что, сокрушив неприступную фортецию, будем одарены неземным блаженством... Ибо женщина, если она доверилась мужчине, отдает ему не только тело, это удел шлюх, простите меня, милые сеньориты, но и душу! Она как бы полностью доверяется мужчине, отдаваясь во власть его, под его защиту и покровительство, ведь мужчина, согласно Заповеди Божьей, – Дон Жуан истово перекрестился, – обязан стать ей господином, защитой и опорой! Но мы иногда лукавим. Ложно клянемся мы в любви, и не оттого только, что не любим вовсе, а оттого, что так уж повелось для знающих женскую душу. Затем, получив свое, насладившись, нарушаем клятвы... Поскольку считается, что клятва государю, церкви или же кровным своим свята. А клятвы женщине – так... пустяк... Мы виноваты, сеньоры и сеньориты, мы – грешны! Причем обе стороны, ибо с противоположной оказывается нам сопротивление, а как известно, чем оно сильнее, тем слаще победа, ведь в природе истинного мужа – жажда битвы! Итак, виноваты обе стороны, мои уважаемые слушатели, и я готов поклясться на крови Христовой, ежели соврал!

– Ну, без крови, уважаемый! – строго заметил Азраил. – Ее и так не хватает для вас всех... Очень похоже на правду... По крайней мере, искренне. Но... Ждите, Дон Жуан.

– По-вашему, любая женщина, отдающая тело мужчине, – шлюха?! – Голос, громкий и высокий, принадлежал молодой особе, одетой по моде XVIII века, сильно накрашенной, но настолько разозленной, что даже густой слой пудры и румян на лице не мог скрыть пурпура злости. – Какая чудовищная ложь! Вот в этом весь грех мужчин – они считают, что женщины, отдавшие им тело, уже грязны, а сами они – агнцы Божьи, чистые и невинные, как младенчики! Гнусная ложь!

– Я не имел намерения огульно назвать всех женщин шлюхами! – попытался возразить, несколько смутившись, Дон Жуан. – Я хотел лишь оправдать великие чары любви и наслаждения ею, заклеянные, – он сделал паузу, оглянувшись и посмотрев на строгие лица Азраила и Гавриила, – Всевышним и столпами веры! Однако же грех есть грех, каноны веры запрещают и прелюбо...

– Достаточно! – бесцеремонно оборвал его Гавриил. – Вы, милый мой развратник, пытаетесь прикрыться верою и законом Божьим, как бы каясь? Отпущение грехов, раскаяние волка в овечьей шкуре! И ничего по делу! Как можно соблазнять чужих жен, ведь вы произносите: «Перед Богом и людьми клянусь хранить верность этой женщине!» Во-он!

Дон Жуан, как был с открытым ртом, так и исчез вслед за Калигулой, не оставив даже следа.

– Ты заметил, мужчины менее убедительны, – язвительно усмехаясь, Азраил наблюдал за своим собеседником, который продолжал пожирать глазами Мессалину, стоящую в передних рядах.

Впрочем, та, опытная в таких делах, сама давно заметила взгляд Архангела и теперь открыто изредка бросала ответные молнии из своих зеленых глаз...

«А мальчишка-то запал на рыжую! – смеясь про себя, отметил Азраил. – Да уж эта особа кого хочешь соблазнит...»

Тем временем разгоряченная дебатами дамочка, зажав в кулаке невесть откуда взявшийся инкрустированный перламутром веер, гневно продолжала:

– Шлюхи!!! Мы для них всегда шлюхи, легкодоступные, развратные, думающие только о порочных наслаждениях и греховных связях! А ежели какая из нас и отличается истинным целомудрием, они говорят, что она сумасшедшая или же порочна внутри и сохраняет под личной монашеской стыдливости самые бесстыдные фантазии отъявленной шлюхи! Они не ставят женщин ни во что и этим гордятся! Бахвалются за пирами, наливаясь вином, своими существующими и несуществующими победами, но при этом крепостей и городов, взятых ими, неизмеримо меньше, нежели соблазненных юбок! Негодные, низкие создания!

– Кто это? – Гавриил наконец оторвался от созерцания фигуры рыжеволосой дьяволицы в людском обличье. – Что за предвестница эмансипации? Лет через двести пятьдесят после нее такое будет везде – в их газетах, журналах, в этой... как ее, Сети – Интернете. А она смела не по времени.

– Говорит-то правильно, – сухо заметил Азраил, – но не по делу. А причины сего гневного обличения не собирается раскрывать... Она сама-то просто содержанка. Фаворитка какого-то из Людовигов, уж не помню какого, их, этих содержанок, как и содержателей, было предостаточно...

– Вы забыли, любезнейшая маркиза, на чьи деньги купались в роскоши, занимаясь всякой дребеденью, которую уж никак не назовешь ни благими деяниями, ни тем более целомудренными! Сколько всяческих тайных игрищ устраивалось по вашей прихоти, таких, где разврат полыхал, словно тысячи версальских люстр, принимая небывалые формы и размах! Сколько денег из государственной казны ушло на ваши прихоти! А как вы умели помыкать августейшими вашими покровителями? Я скажу просто – вы и есть шлюха! Только не грязная дешевка из борделя на окраинах Парижа, а дорогая, знающая себе цену! Вы двуличны, как Янус, когда обвиняете мужчин во всех смертных грехах! Есть спрос – есть и предложение? Да! Но есть мера и есть превышение этой меры! Итак, ко всем вашим наказаниям я добавлю еще одно – за лицемерие! И – вон отсюда!

Взбешенная маркиза хотела было что-то возразить, набрав полные легкие воздухом, но не успела. Лишь доли секунды в том месте, где она только что стояла, кружил легкий ветерок...

Толпа, ранее притихшая, слушая речь маркизы, вновь зашумела. Задние ряды стали напирать на передние, волнение росло, голоса звучали громче.

– Мы требуем слова!

– Справедливости!

– Любовь или смерть! Это и есть причина!

– Мы не звери и не святоши!

– Тихо! – громовым голосом успокоил толпу Азраил. – А ну, тише! Иначе я прекращу все это, и вы отправитесь обратно немедленно! По одному, и без излишнего рвения!

– Рвения? – голос чистый и звонкий, однако твердый прозвучал в наступившей тишине. – Какого рвения, святые наши?

Молодая девушка с распущенными волосами, босая, одетая в грубую рубаху из полотна, вышла вперед. Она была красива, но лицо ее, изможденное и бледное, выглядело усталым и постаревшим лет на двадцать, несмотря на весьма юный возраст.

– Рвение, которое дает вере новые силы? Рвение, с которым искореняются ересь, колдовство и другие смертные грехи? Рвение, обрекшее на жуткие, адовы мучения и такую же лютую смерть сотни тысяч невинных женщин? Где вы были, наши ангелы, когда, прикрываясь этим рвением и «крепостью в вере», злобные и развратные людишки, хватая по доносам таких же мерзавцев или запуганных глупцов невинных, мучили их страшно, вырывая признания в «колдовстве» и прочем? Скольких женщин и девушек, бывших женами и матерями либо способных ими стать, истерзали, замучили, обрекли на лютую казнь? Это что, наказание за грех? «Женщина – сосуд греха!» – так говорил какой-то святоша, видимо, имея в виду свою же мерзкую похоть, соизмеряемую разве что с таким же непомерным чревоугодием! А «святые

отцы» не грешат? Не содомируют в монастырях, не соблазняют «невест Христовых»? Не развратничают с прихожанками, читая почтенным бюргерам проповеди днем, грозя Страшным Судом за малейшие отступления от их бестолковых догм, а ночью – прелюбодействуя с женушками этих же почтеннейших граждан? Тьфу на ваш суд! Тьфу на ваше лицемерие! Проклятые ханжи, будьте вы прокляты навеки, особенно вы, мужчины! Сколько мнимых «ведьм» было изнасиловано в застенках перед страшными пытками? И вы хотите узнать, что подвигает на грех? Вы, вы, слуги Божьи, и ваше же лицемерие! И почему Он на все это смотрел спокойно? Он – такой же, как и вы, вы его порождение! Возвратите меня обратно! Я не боюсь ничего, самое страшное, адовы круги, я прошла на земле! Все закончилось костром, еще один костер мне не страшен!

Все притихли, ожидая, что же ответят те двое, на возвышении. Но Ангел Смерти молчал, а его сотоварищ, бледнее обычного, тоже молча, сжимал кулаки.

– Гризельда Бюхер, не забывай, что ты все же согрешила, – тихо начал наконец Азраил. – Ты предалась греху с молодым человеком вне брака и зачала дитя от него, которое родилось уродом. Именно поэтому его сочли отродьем дьявола, а тебя обвинили в колдовстве и прочем... Но... почему? Причина этого, твоей... связи?

– Я любила его, – тихо, но твердо произнесла Гризельда, – и мне было все равно, что подумают. Он не был дьяволом, как его описывают, когда он прикидывается, скажем, прекрасным юношей. Нет, он был так добр, нежен и ласков! Он любил меня, он поклялся жениться и сделал бы это, ежели бы не война, которая длилась в благословенной Германии уже почти двадцать лет! И там он погиб! А я... меня сожгли, как ведьму, продавшую душу. Но я любила, люблю и буду любить его, и имя его кричала, когда языки пламени охватили меня, сжигая тело... – горько закончила она.

– Ступай, Гризельда, – голос Гавриила прозвучал негромко, но сухо, – ступай, жди. Сказана правда...

– Любовь... – негромко повторил Азраил, – опять это мифическое слово... Что же сие значит все-таки? Что пробуждает в каменных, казалось бы, сердцах столь неумную страсть и стремление? Похоть? Продолжение рода? Звериная суть самца, который обязан быть сильнее и злее самки, но в то же время давать ей ласку при ее требованиях, а не только тогда, когда его звериная страсть ударит в голову и прочие части брэнного тела? Вот черт! Задача... Мы слушаем уж столь многих, а ни к чему не пришли, все так же темно, как и прежде...

– Я не знаю, что ответить тебе, Ангел Смерти, – задумчиво произнес Гавриил. – Смерть сильнее всего, однако эта страсть, этот грех иногда сильнее и смерти... По крайней мере, это нам пытаются сказать...

– Но не все могут пожертвовать собою во имя подобного, – вновь усмехнулся Азраил, – многие разводят такие цветистые речи, льют столько меду лишь для того, чтобы вонзить меч свой в сладчайшие ножны... И устоять против этого... Ты опять пялишься, словно смертный, на рыжую шлюху! Я понимаю, она – бесподобна, но ведь ты – Архангел! И, кроме того, после неких... событий Он сделал вас всех, ангелов, неспособными!

– А ты сам попробуй, подумай об этом, задумайся о женщинах и прочем хоть на минуту, – мрачно возразил ему Гавриил.

– Я... Я давно мертв... Хотя некоторые из них могут разбудить страсть и в мертвецах...

Тем временем к оживившейся было толпе обратился выступивший вперед высокий мужчина приятной наружности, в изящном камзоле, расшитом канителью, в чулках и башмаках, на пряжках которых красовались жемчужины. Голову мужчины венчал напудренный парик с буклями, умное и несколько ироничное выражение красивого лица говорило о недюжинном интеллекте, а вот глаза, очи самца, сразу выдавали любителя женского пола. Но сейчас мужчина был серьезен и взгляд свой устремил на ангелов.

– Синьоры и синьорины, милостивые государи и государыни, королевские величества и царственные особы! И вы, простолюдины и простолюдинки, такие же, как и ваши цари и царицы, ибо здесь все мы равны перед этими, – галантный кивок в сторону ангелов, – судьями, как и друг перед другом! Я несколько смущен необычным своим положением, ибо впервые за всю жизнь свою брэнную, да и первый раз после смерти пытаюсь держать речь перед сиим необычайным обществом! Это честь для меня, однако же и труднейшее испытание толико потому, что хочу сказать я то, что и в самых вольнодумных своих мемуарах не осмеливался, и не по причине какого сверхвольнодумства или развращенности – я этого никогда не стеснялся, ибо кто слушает – да узнает и задумается, а кто уж осмелился сказать – да будет услышан! Sic transit gloria mundi, так мудро сказано, так оно и есть. Какою же причиною вызывается безудержная страсть, именуемая по-разному, трактуемая и как род недуга, и как дьявольские козни, и, наоборот, как дар Божий, коего мы, человеки, оказались недостойны? Что делает женщину такую, какова она в неумной страсти, когда забывает о мире вокруг? Что принуждает сердца мужчин биться с силою, а желание – захлестывать холодные головы, умеющие противостоять сотням и тысячам недругов, как на поле брани, так и среди ученых мужей и в кабинетах политиков? Что?.. Извините, нет у меня ответа. Но! Я знаю другое – как мужчина, познавший все самые тайные наслаждения и пиры похоти, разврата и разгула страстей, доступные людям! А именно – всему есть конец! Все имеет начало свое, и всему есть окончание, а оное не всегда есть исток нового!

Толпа зашумела, все переговаривались, вникая в речи мужчины и ожидая, очевидно, развития темы.

– Это, никак, синьор Джакомо Казанова? – оторвав взгляд от полуобнаженных грудей Мессалины, вполголоса спросил Гавриил у своего оппонента.

– Он самый. И, думаю, наконец-то мы услышим нечто вразумительное, – отозвался Азраил.

– Я попытаюсь объяснить, – продолжил Казанова. – Мы созданы по образу и подобию... не знаю уж, действительно ли создал Господь жену Адаму из ребра его, однако создал он их такими разными! Змий ли, стремление ли к познанию, столь любимое, особенно в мой просвещенный век, или кто, а может, и что другое привели к тому, что женщина, сей благоуханный сосуд, наполнена не всегда миррой и благовониями чистой любви. Иногда сосуд сей излучает ароматы страсти и безумной похоти, но это не яд! Не яд или отрава для светлых мыслей, ибо любовь к ближнему, коей нас всегда утешали ревнители веры, не только любовь к Богу! «Возлюби ближнего своего, как самого себя! Бог есть любовь!» Да! Однако человек-то – тварь неразумная, не хочет довольствоваться лишь Богом в ближних. Жаждет он иль она рядом с собою такую же тварь, что к ней питает чувства, влекомые которыми они вместе, подобно героям мифов и сказок, пройдут чрез все испытания, страсть эту сохранив. А страсть сия не проста – она заставляет безумно желать друг друга, испытывая райское наслаждение при слиянии тел, и души такожде в этот миг едины! Уж поверьте, было у меня такое! Итак, милостивые слушатели мои и судьи, – никто не виноват, такими созданы мы, так живем, и сия похоть – не похоть вовсе, а лишь способ крепче сделать судно жизни совместной и облегчить плавание в океане бурном жития!

– Bravo, bravo, синьор Красноречие! – Азраил негромко захлопал в ладоши. – Значит, вы саму похоть сделали слугою любви Господней, а разврат – способом легче выжить среди зверской жизни? Да-а-а, такого я еще не слышал... Ну... что сказать – не верю! Не могу поверить! И там, – палец ангела указал вверх, – тоже не поверят! И не поймут! Но, учитывая вашу искренность, – а я вижу, что были вы искренни, – ждите! Считаю сказанное правдой! Объяснение принимается!

– Почему не поверят? – выступив чуть вперед, негромко спросил молодой мужчина с небрежно взъерошенными длинными волосами, в мятом сюртуке, с мягким, несколько мечта-

тельным выражением лица. – Сказано было и от чистого сердца, и правильно. Синьор Казанова только немного высокопарно выразился. Он назвал естественное влечение похотью, боязнь одиночества – стремлением сделать корабль жизни крепче, а женщину – предмет обожествления, почти приземлил до уровня необходимого... багажа, такого набора предметов, самых востребованных в трудном путешествии, называемом жизнью. А еще, – молодой человек вежливо поклонился в сторону Казановы, – если позволит уважаемый сэра Джакомо и вы, – он так же изящно отвесил поклон ангелам, хоть умные и красивые глаза его лучились смехом, – я позволю себе немного дополнить его речь...

Азраил молча кивнул, и молодой человек продолжил: – Леди и джентльмены, пришло то время, когда можно назвать нас, людей, плохой порослью на тучном поле... Мы, возвращенные с любовью Создателем, вместо изысканнейших благоухающих цветов, выродились в жалкие, полусохшие, покрытые шипами соцветия, дающие такой же убогий приплод, наши семена умеют прорасти даже на камнях, но побеги из них поражают своей неказистостью. В чем же дело? А дело-то в нас самих! Мы боимся откровенных признаний. Мы ценим только свою свободу, начисто лишая ее близких, да и чужих, не забывая усиленно вопить об этой самой свободе на всех углах. Мы разучились любить! Женщин, жизнь, мир! Огонь камина, семейные обеды в компании любящей супруги и детей – это так немало! Это так желаемо! Но скажите, почему мы, беря женщину в жены, лишаем ее и того немногого, что она, по нашим же канонам, имеет вне брака? Это одно. А второе – мы смертельно боимся... одиночества! Не поверю никому, – голос его окреп, стал громче и зазвучал в мертвой тишине как гром, – никому, кто говорит, что одиночество – смысл его жизни! Нет этого... Бог создал, святые спасли, а мы... потеряли. Потеряли чувства, стыд, и, с другой стороны, – стремление к свободе и переменам, открытость в отношениях с женщинами. Ложь и двуличие помогают нам сохранить тело, но душу... умертвляют. Молодой красавец, обманувший сотни любящих сердец, преуспевший на всех поприщах, кроме душевного, на самом деле – ужасный, уродливый старикашка, так и оставшийся одиноким. Одиночество и забвение – вот спутники смерти... Женщины – то, что ведет в рай. Одиночество – начало ада на земле...

– Ну знаете, вы и впрямь меня почти убедили, – усмехнулся Гавриил. – Итак, боязнь одиночества – еще одна причина влечения мужчины к женщине? Может быть. И это влечение сохраняет сотни душ? Тысячи? Миллионы?.. Пожалуй! Принимаю. Ждите! Но... постойте, вы, кажется, не совсем к женщинам обращали речь свою? Ведь влекло вас к абсолютно иным?

– Я лишь попытался выразить свое мировоззрение, уважаемый ангел, – молодой человек грустно пожал плечами, – а остальное – мое личное дело. Многие видят в этом влечение полов. Разных ли, одинаковых – не важно. Однако смотреть надо глубже.

Молодой человек устало побрел обратно в толпу. Но на полпути чья-то рука ухватила его за рукав сюртука.

– Мой юный друг! Я просто в немом восхищении! Вы – философ философов, какие уж там греки и прочие! Ваши мысли – это квинтэссенция разума и чувств! Кто вы? Назовите же ваше благородное имя!

– Я не философ, сэра, я пробовал писать. О жизни. Не знаю до сих пор, как это приняли люди, – молодой человек грустно усмехнулся, – а имя... Что ж, спасибо за столь высокие слова похвалы. Оскар Уайльд, сэра, так звали меня там...

Толпа опять зашумела. Слова последнего оратора вызвали немало разных чувств, и выход им следовало найти. Но внезапный порыв ветра, а затем следующий за ним некий звон, похожий одновременно на звон тысяч колоколов и бой такого же количества часов, заставил всех притихнуть, ангелов же – поднять головы в сторону.

Голубизна купола вдруг стала темнеть, меняя цвет сначала на белый, потом – на огненно-красный. Еще один порыв ветра, и купол стал совершенно прозрачным. Так продолжалось

несколько секунд. После этого звон столь же внезапно, как начался, прекратился, а купол принял прежний цвет. Воцарилось гробовое молчание.

В руках Азраила появился свиток пергамента, увенчанный двумя печатями – золотой, сверкающей подобно молнии, а также кроваво-красной, светящейся таинственным недобрым светом.

Оба ангела внимательно прочли письма или что другое – толпа не видела этого, – содержащееся на пергаменте. Затем Гавриил, откашлявшись, громко произнес:

– Слушайте все! Вот вам решение, вынесенное после прослушивания достаточного, по мнению высоких сторон, количества высказавшихся! Мы так и не сумели выяснить, что же движет вами, вашей кровью, что принуждает вас патологически желать, даже на смертном одре или на плахе, особ противоположного пола! Вы, сказав многое правдиво, все же не раскрыли сущность страстей ваших... И поэтому назначено следующее слушанье – но через тысячу лет! Может, считают высокие стороны, что и прояснится там, – Гавриил указал вниз, – среди вашего племени, а возможно, и у вас появятся некие новые... объяснения! Итак, вы все возвращаетесь! На тысячу лет!

Толпа возмущенно загудела, послышались проклятия, кое-где даже рыдания. Волнение нарастало.

– Тише! – голос Азраила вновь громом покрыл все остальные звуки. – Я помню, что обещана вам была награда за правдивость. Так вот она – вам дарены целые сутки! Сутки, в течение которых каждый и каждая из вас смогут вдоволь насладиться как самой изысканной пищей и винами, так и утолением страсти, о которой столько было сказано! Любой из вас может возжелать и получить любую! Так что ешьте, пейте и веселитесь!

Толпа вновь зашумела, но уже обрадованно, а когда словно из ниоткуда в зале возникли огромные столы, накрытые всевозможнейшими, самыми изысканными и фантастическими блюдами и напитками, гул восторга сменил ропот недовольства. Мужчины и женщины спешили за роскошные столы, чтобы получить удовольствие от еды, вина и любви перед тысячелетней мукой...

– Азраил, а мы что же, не поощрены? – Гавриил тронул за рукав своего оппонента. – Ведь так у нас долго выпытывали, ковыряясь в мозгах, что же мы-то думаем? Вон, людишки, – он кивнул в сторону пировавшей толпы, где некоторые, опьянев от вина и желания, уже ласкались и совокуплялись, извиваясь в порывах неземного наслаждения... – людишки уже начали...

– А как же! – Азраил усмехнулся. – Нам разрешено выбрать себе смертную... Для полного спектра утех... – Он засмеялся. – И я, пожалуй, знаю, кого ты выберешь... Хоть и ангел...

– Ты прав, Ангел Смерти, – Гавриил улыбнулся в ответ, – я уже иду. До встречи через тысячу лет!

С этими словами он подошел к рыжеволосой Мессалине, которая поджидала его в стороне. Красавица обвила его шею руками, и поцелуй дьявола лег на уста ангела. Они удалились в обнимку, чтобы выяснить, что же движет людьми, и не только, как и откуда берется всепоглощающая страсть любви...

Азраил молча поглядел на всё увеличивающийся клубок, в котором сплелись великолепнейшие женские и мужские тела, ком страсти, источающий энергию такой силы, что и ему, бессмертному, стало не по себе. Затем вздохнул и медленно спустился по ступенькам, взмахнул рукой...

Просторная, освещенная ярким светом факелов комната была жарко натоплена. Посреди нее стоял крепкий дубовый стол, уставленный серебряными тарелками со всевозможной снедью, фруктами и старыми винами в золоченых кубках. В углу, в высоком, с резной затейливой решеткой камине весело трещали поленья. Шкура медведя, лежащая перед роскошным широким ложем с балдахином, застеленным расшитым золотом покрывалом с гербом посередине, придавала комнате особый, волнующий вид.

У камина стояла женщина потрясающей красоты. Густые волосы цвета ночи, серовато-синие, удивительной глубины глаза, мраморная кожа делали ее поистине небожительницей... Роскошное тело почти не скрывал тонкий, полупрозрачный наряд, сквозь который видны были нежная лебединая шея, великолепная высокая грудь, стройные бедра, длинные, идеальной формы ноги... Темный треугольник лона дополнял это полуфантастическое зрелище, способное каждого повергнуть в любовный шок.

Азраил усмехнулся женщине, та одарила его ослепительнейшей улыбкой.

– Долго... Я ждала долго, мой Ангел. – Женщина обняла приблизившегося Азраила. – Вы долго решали...

– Что поделать, такова моя участь, любовь моя. – Азраил нежно прильнул к губам женщины, руки его сжали округлые плечи, постепенно опускаясь ниже.

– Они уже занимаются этим? – Женщина игриво отстранилась, подошла к столу, взяла в руки два кубка, полных столетнего вина. – Выпьем... за любовь!

– Как скажешь, мое сокровище, – Азраил принял кубок. – За нее!

– И за союз двух бессмертных, – графиня Батори залпом осушила чашу...

Белый ворон

Германия, 1533 год

Дождь, ливший всю ночь, не утихал. По раскисшей окончательно дороге даже на лошади ехать оказалось трудно. Да и надобности особой не было – кто отправляется в путь в такое смутное время, к тому же здесь, в Штирии, после недавнего опустошительного мора, среди разгула разбойничьих шаек, голода и под угрозой надвигающейся войны?

Поэтому одинокий всадник, медленно ехавший верхом по превратившемся в сплошное месиво тракту, был сущей диковиной.

Дорога, огибая жалкие лачуги полузаброшенной дереvушки, вела к стоявшему на небольшом возвышении замку. Даже редкие дымки над несколькими убогими домишками не создавали впечатления, что там живут люди. Однако всадник, выбравшись на более твердую почву, все же догнал двоих плетущихся по грязи людей.

Крестьяне... Старик и юноша. Они с опаской глядели на седока – забрызганный грязью камзол, длинная шпага на поясе, кинжал. Шляпа с бывшим когда-то ярким и цветным, а теперь намокшим и выцветшим пером. Но половина лица скрыта платком... Дворянин, наверное... На разбойника не похож. Они нерешительно остановились, ожидая худого.

– Добрые селяне, я не причиню вам вреда! Есть ли в замке хозяева? – Всадник опустил платок. Мужчина был не стар, но и не молод. Бритое лицо, рыжеватые усы, синие глаза. Шрам на левой щеке свидетельствовал о том, что незнакомец побывал и в переделках. Говорил он чисто, однако в речи его улавливалось нечто чужеземное, так не говорили здесь, в лесной Штирии.

– Доброго пути, господин! – с опаской промолвил старший из крестьян. – Осмелюсь спросить, далеко ли держите путь? Тут у нас небезопасно, разбойники...

– Я направляюсь в замок Штейнгартен. Но по пути необходимо мне отдохнуть, и ночлег бы не помешал – дальнею была дорога... – Всадник устало провел ладонью по лицу. – К тому же непогода разыгралась.

– Добрый господин, в замке уж лет десять никого... – Старик усмехнулся. – Старый барон умер, а сыновья его сгинули – на войне ли, от чумы ли – доподлинно не знаем. А в деревне подходящего ночлега не найти – осталось-то у нас всего душ двадцать... Хозяйства разорены, земли заброшены... Ячмень никто не сеет, нет скотины – какая подохла, какую забрали... Живем чем можем...

– Да нет, старик, мне и лачуга подойдет. Есть ли место, скажем, у тебя?

– Мне совестно благородному господину предлагать ночлег в хибаре крестьянской, – старик нерешительно переминался с ноги на ногу, – да и кормить вас нечем, откровенно говоря...

– Ну, об этом не беспокойся. Мне доводилось ночевать и в худших местах. На, держи! – Всадник бросил ему монету.

– Цельный талер! – Старик удивленно посмотрел на своего собеседника. – Да на эти деньги можно пир устроить для вашей светлости!

– Тогда вперед!

Утром дождь прекратился, сначала скуповато, а затем и в полную силу засияло солнце. Гость, умывшись холодной водой и сжевав полкраюхи ячменного хлеба, простился с хозяином.

– Спасибо, старик! Только скажи, Гессенский тракт далеко ли?

– Да не так уж далеко, ваша милость, однако там небезопасно... разбойники... Говорят, маркграф фон Литтен даже не смог их изловить, ибо предводительствует ими некий человек, искусный в военном деле.

– Может, и дворянин, бывший на военной службе?

– Кто его знает? Но клеветы маркграфа и его ландскнехты не смогли поймать ни одного живьем! Лишь двоих убили, зато разбойники положили их немало...

– Вот как... Ну что ж, поедем, посмотрим...

– А в объезд, ваша милость, – это далеке... Напрямую, через Грашпильский лес, можно. Там и суше, лошадь не завязнет, миль десять – и вы у Нойеркирхена, откуда и до Гессенского такта рукой подать!

– А в лесу не водятся ли злые силы? – Всадник шутливо усмехнулся.

– Кто его знает, – на всякий случай осенил себя крестным знаменем старик, – может, и есть. Но вот дед мой, царство ему небесное, говаривал: «Не бойся нечисти, Господь охранит! А живых людей опасайся более!»

– Он был прав. – Всадник тронул поводья. – Прощай, старик!

Крестьянин долго всматривался в удаляющийся силуэт.

«Странный господин. И говорит как-то не совсем по-нашему... Да ладно, спаси его Господь! Авось проедет цел и невредим».

Лес встретил седока тишиной и сыростью. Птицы, еще не проснувшиеся после долгих дождей, едва начали свои песни, лишь звук падающих капель влаги с деревьев слышался отовсюду. Узкая, едва приметная тропа петляла среди вековых штирийских дубов. Ощущение тревоги не покидало всадника, однако он, похоже, был не робкого десятка, да и повидал немало.

Так прошло довольно много времени, лес стал постепенно редеть, впереди показались холмы с петлявшим по ним трактом. Всадник пришпорил коня, словно стремясь побыстрее выбраться из сумрачной разбойничьей чащобы. Косые лучи солнца, пробивавшиеся сквозь кроны дубов, сменились ярким светом погожего дня.

Свист стрелы заставил коня вздрогнуть. Но крепкая рука удержала поводья, и жеребец, испуганно захрапев, метнулся в сторону. Однако его хозяин был невредим, ибо молниеносно уклонился от стрелы, летевшей прямо в грудь. Он так же стремительно спешился и прислонился спиной к стволу дерева, ожидая схватки. Глаза и уши чутко и внимательно следили за всем вокруг. Еще одна стрела, тонко взвизгнув, впиалась в дерево рядом.

«Луки... Они не стреляют из аркебуз... Тихо хотят сделать дело, – мысли текли ровно, сердце билось так же. – Ну что ж... Сделаем свое дело и мы...»

На тропе показалось несколько фигур, закутанных во рваные плащи, скрывающие кроме прочего лица. Лишь у одного была на голове охотничья шляпа, видать снятая с какой-то жертвы.

– Где ж он? Эй, Манфред, ты что, промазал дважды?

– Не знаю. Исчез он... Я не мог промахнуться!

– Ищите! Это не холоп какой! Одет, как дворянин! И в его кошельке есть, видать, что-то! А мы давно...

Он не договорил, ибо молниеносный выпад шпаги проткнул его насквозь, слова застряли в горле, и разбойник рухнул навзничь. Двое других тут же выхватили длинные ножи, а тот, которого назвали Манфредом, натянул тетиву лука, быстро вложив в нее стрелу.

Но никого не было. Один из нападавших посмотрел вверх и тут же получил удар в плечо. Второй неуклюже взмахнул ножом, лезвие свистнуло, рассекая пустоту, однако шпага противника вонзилась прямо в сердце. Лучник выхватил свой нож. Они стали лицом к лицу, медленно принялись кружить, выжидая.

– Я тебе сейчас выпущу кишки! – злобно прорычал Манфред. – А ну, брось шпагу!

– Ты бы попросил какого святого помочь, – усмехнулся его противник, – а то ведь сам себе не сможешь...

Несколько взмахов ножом – и все мимо. Незнакомец, словно привидение, исчезал прямо из-под удара, возникая в самых неожиданных местах и посмеиваясь при этом.

– Да ты что, дьявол?! – прохрипел Манфред. – Я убью тебя!

– Скорее, я тебя! – сказав это, незнакомец резким выпадом с обманным движением пригвоздил разбойника к стволу дерева.

Тот захрипел, дергая руками и ногами, словно гигантский жук. Кровь тонкой струйкой потекла изо рта.

– Где ваш атаман? – Нападавший приблизил лицо к умирающему.

– Будь ты прокл... – это были последние слова Манфреда.

Всадник вытер о мокрую траву шпагу, не спеша подошел к лежащему на земле раненому.

– Я оставлю тебя в живых, если скажешь, где скрывается ваш предводитель.

– Мне все одно подышать, я товарищей не выдаю, – слабо усмехнулся тот, – хоть на дыбу вешай...

– Дыба тебе уже не грозит, еще полчаса – и ты умрешь от потери крови. Я не охотник за разбойниками, не слуга ландграфа или герцога. Я сам по себе. Ты думаешь, я не видел, как вы крались за мною добрых две мили? Покойный Манфред, – он усмехнулся, – стрелял с дерева...

В глазах умирающего мелькнуло нечто наподобие испуга и удивления.

– Ты с нечистой силой заодно... Простой смертный не может так быстро уходить от ножей...

– Возможно. Но все же я хочу знать, где ваш главарь. Его ведь по-настоящему зовут Альберт фон Фиссен, правда? И он воевал немало лет под знаменами гофмаршала курфюршества Гессенского? А теперь кличете вы его Одноглазый Ворон, ибо он потерял свой глаз в бою. Я был при этом...

Умирающий молча указал слабой рукой на запад.

– Иди туда, – прохрипел он. – Кто бы ты ни был, мне все равно... Ворон ворону...

Конь шел легкой рысью, иногда копыта скользили по сырому еще склону небольшой возвышенности. Всадник молча раскачивался в седле. Солнце взошло уже высоко, день был теплым, легкий ветерок весело шевелил листву. Тропа, раньше едва заметная, вообще исчезла. Лес густел. Тракт остался в стороне, глушь и покой царили здесь.

Так прошло около часа. Внезапно седок остановился, спешился и внимательно стал рассматривать окружающие его деревья.

«Зарубки. Похоже на указание, куда путь держать. Для кого?»

Он медленно и осторожно двинулся вперед, ведя коня под уздцы. Глаза и уши, как и прежде, видели и замечали все. Поэтому далекий, едва слышный свист он уловил сразу. Свист прозвучал снова. Всадник остановился, легонько похлопал коня по спине, отпустил узду. Жеребец нервно вздрогнул, но остался стоять на месте. Свист повторился, теперь уже ближе. Всадник по-прежнему стоял среди небольшой поляны. Спокойный и уверенный.

Несколько фигур, словно из-под земли, выросли вокруг него. Две аркебузы и лук направили прямо ему в грудь.

– Кто ты и что ищешь здесь? – шагнул вперед один из появившихся.

– Я путник. Еду по своим делам. А что, этот лес – чье-то владение?

– Здесь мы хозяева. А ты должен заплатить, ежели хочешь проехать, – ослабил разбойник. – Если нечем – мы тебя просто прирежем, чтоб другим неповадно было.

– Я, собственно, ищу некоего благородного господина по прозвищу Одноглазый Ворон, – усмехнулся всадник. – Любезные господа, встретившиеся мне на пути, милостиво указали, что сей господин обитает где-то здесь.

Разбойник насторожился, взгляд его стал холодным и злобным.

– Откуда ты? Кто таков? Не знаю никакого Ворона. Я – Райнер Хромой, со мною мои братья. Отдай свои деньги, или отберем жизнь!

– Судари мои, отдам с радостью! Ежели укажете, где я могу найти этого Ворона. Те парни были несколько... – он запнулся, – неучтивы, поэтому пришлось поговорить с ними по-дру-

гому. Но вы ведь не столь важны, словно налитые майнцским вином толстобрюхие ганзейские купчишки? Я вижу, вы люди простые. Помогите же страннику отыскать старинного приятеля. Я заплачу.

– Да ты смеешься над нами! – с этими словами разбойник потянулся к поясу всадника, намереваясь схватить висящий на нем кошель. Однако сам того не понял, как оказался с вывернутой рукой спиной к врагу.

Тот, прижимая его к себе, держал длинный и тонкий «мизерикорд» у горла нападавшего. Все это произошло настолько быстро, что никто даже не понял как...

– Стреляйте, судари мои! Если не жаль вам вашего друга! Но скажу одно – первый же выстрел, и вам всем конец! Обещаю сделать сие быстро. Ну, выбирайте – или вы говорите мне, где ваш Ворон, или виселицы ландграфа будут пустовать по причине преждевременной смерти бедолаг, коих они ждут...

Разбойники в нерешительности топтались на месте. Главарь, попытавшийся было вырваться, получил легкий порез. Железная рука сдавила его грудь, словно пыточный корсет.

– Эй, ребята, не палить! – сдавленно прохрипел главарь. – Ты!.. Мы тебя проведем. Но оружие отдай!

– С радостью! Только не обманите, я ведь честен с вами!

– Отпусти меня!

– Вот, отпустил, – хватка разжалась, – теперь твоя очередь!

– Бейте его ребята! Это шпион ландграфа! Пулю ему!

Дальше никто ничего не успел понять. Загремели выстрелы аркебуз, кто-то вскрикнул, коротко булькнуло чье-то проткнутое насквозь брюхо, еще крики, свист шпаги...

Путник стоял с обнаженной шпагой, касаясь ее острием горла лежащего у его ног человека. Вокруг валялись четыре трупа. Тело и голова предводителя покоились на расстоянии двух локтей друг от друга...

– Любезный, я ведь сказал, что не нехристь какой. Я честен, как все жители земли германской. Мы же не басурмане, чтобы обманывать так подло. Вот я и расплатился. Слово дворянина, я сохраню тебе жизнь. Но ты приведешь меня к Ворону. Я уже имел честь беседовать с вашими друзьями. Они обманули меня и теперь мертвые падали. Так что мне надоело! Даю тебе время подумать, пока не сосчитаю до пяти.

– Я согласен, не убивай, – прошептал разбойник, – я проведу тебя...

...Мужчина огромного роста, широкоплечий и мускулистый хмуро восседал на роскошном стуле, что мог быть украшением какого-нибудь богатого замка и совершенно не подходил к наспех срубленному в лесной глуши деревянному домику. Полы устланы дорогими коврами, в руке у здоровяка был кубок, инкрустированный камнями. Единственный глаз мужчины холодно смотрел на стоящих перед ним. Второй, вернее, то, что осталось, скрывала черная повязка. Женщина невероятной красоты, с иссиня-черными волосами и зелеными глазами дикой кошки сидела у его ног.

– Отвечайте, проклятые висельники, где Манфред и его люди! Иначе, клянусь брюхом папским и кишками герцога майнцкого, я у вас выпущу эти самые кишки! У всех!

– Ворон, они мертвы... – хмуро промолвил один из стоящих. – Мы нашли их тела недалеко от Светлой поляны, там, где начинается тракт. Но кто их убил – один Господь знает. И это еще не всё... – Он замолчал в нерешительности.

– Говори!!! – Ворон привстал. – Говори всё!

– Райнер Хромой... И трое его ребят...

Единственный глаз Ворона налился кровью. Рука, сжимавшая кубок, побелела, и дорогой сосуд треснул, сжатый могучей хваткой.

– Пуп дьявола!!! Кто? Кто убил их?!! Опять проклятый ландграф и его клеветы!!!

– Ворон, мы внимательно осмотрели всё... Следов отряда нет. Там был лишь один конь. И, наверное, один человек...

– Ты хочешь сказать, что один человек справился с десятком молодцов, да еще и вооруженных аркебузами, луками и ножами? Глупая деревяшка!!! Мерзкий холоп!!!

– Я немало видел войн и немало воинов, но... Это невозможно! Вели трубить тревогу!!!

– Я лично выступлю, чтобы показать ландграфу, кто хозяин этих лесов!!! И, клянусь телом Христовым, он запомнит это на всю свою оставшуюся жизнь! А осталось ее немного!!!

– К чему спешить на войну, ежели она еще не идет? – прозвучал с порога негромкий, но уверенный голос. – Ворон рановато распустил крылья. – промолвил всадник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.